



МАНУЭЛЬ ПУИГ
MANUEL PUIG

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

CONTEMPORARY CLASSICS

ПРЕДАТЕЛЬСТВО
РИТЫ ХЕЙВОРТ

"Этот дебютный роман Пуига дал ему мощный старт и принес
впоследствии всемирную славу..."

El mundo literario

M. Músculo

Мануэль Пуиг

Предательство Риты Хейворт

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157457

Пуиг М. Предательство Риты Хейворт: Махаон; М.; 2004

ISBN 5-18-000600-7

Аннотация

Мануэль Пуиг – один из ярчайших представителей аргентинской литературы XX века, так называемой «новой латиноамериканской литературы». Имя Пуига прочно заняло место рядом с Борхесом, Кортасаром, Сабато, Амаду, Маркесом, Карпентьером, Бенедетти. Его книги переведены на все европейские языки и постоянно переиздаются.

«Предательство Риты Хейворт» (Рита Хейворт – легендарная голливудская красавица, звезда экрана) – дебютный роман Пуига, после которого о нем заговорил весь мир. Работая в сложнейшем жанре «бесконечной строки», автор создает уникальное полотно человеческой жизни – от рождения до старости – с помощью постоянных «переломов» сюжета, резкой смены персонажей, хитрой интриги.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
I. В доме у родителей Миты. Ла-Плата, 1933 год	4
II. В доме Берто. Вальехос, 1933 год	19
III. Тото, 1939 год	30
IV. Разговор Чоли с Митой. 1941 год	51
V. Тото. 1942 год	77
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Мануэль Пуиг Предательство Риты Хейворт

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. В доме у родителей Миты. Ла-Плата, 1933 год

– Какая красивая скатерть у тебя получилась – крестом вышита, коричневой ниткой по небеленому холсту.

– Я с этой скатертью больше провозилась, чем с набором салфеток, а их восемь – пар... платили бы за вышивку получше, я бы взяла в дом служанку, набрала клиентов и больше вышивала на заказ, правда?

– От вышивания вроде и не устаешь, а как поработаешь несколько часов, спина начинает ныть.

– Мита все просит вышить ей покрывало для постельки малыша и чтобы поярче, а то в спальнях темновато. У нее три спальни рядом и все три выходят в гостиную с большими окнами, а окна занавешены плотными шторами, которые

раздвигаются.

– Будь у меня побольше времени, я бы вышила себе покрывало. Знаешь, что утомительнее всего? Печатать на машинке за таким высоким столом, как у меня на работе.

– Если бы я жила здесь, сидела бы у этого окна, как только выдастся минутка для покрывала Миты, тут светлее всего.

– Мебель у Миты красивая?

– Мама ужасно огорчается, что Мита не может жить в этом доме теперь, когда есть все удобства, правда?

– У меня было такое предчувствие, когда Мите предложили эту работу, все казалось, что год будет тянуться бесконечно, она ведь на год поехала да так и осталась. Надо свыкнуться с мыслью, что она останется там навсегда.

– Ей бы наезжать в Ла-Плату в отпуск два раза в год, а не один.

– Дни летят быстро, в первый день так не кажется, кажется, что столько всего успеваешь, но потом дни пролетают незаметно.

– Мам, ты не думай, я ведь тоже здесь не живу, так что мне от вашего дома мало толку.

– Кажется, твои дети забрались в курятник.

– Клара, ты бы к нам каждый вечер с детьми приходила, цветы они не трогают. Дедушка только из-за цыплят ужасно сердится.

– Почему вы цыплят продаете?

– Будешь писать Мите, скажи, чтобы не спешила с мебе-

лью. Боюсь, мебель купит и останется в этом городе навсегда. Напиши сестре, она постоянно ждет от нас новостей.

– Вы для этого дома всю новую мебель покупали?

– Если бы дом закончили, когда Мита получала диплом, и мы бы переселились, она и сама, наверное, была бы не рада, что уезжает одна работать в этот город.

– В Коронеле Вальехосе и впрямь так некрасиво, как пишет Мита?

– Нет, Виолета, мне даже понравилось. Мам, правда, там не так уж некрасиво? Когда я только приехала и вышла из поезда, впечатление было ужасное, у них и домов-то высоких нет, все очень плоским кажется. И места засушливые, так что деревьев почти не видно. На станции извозчики стоят вместо такси, а в двух кварталах уже и центр. Деревьев мало, и ясно, что растут они с трудом, а уж чего совсем не встретишь, так это травы, ну нигде. Мита уже два раза газон пробовала высадить, специально подгадывала к апрелю месяцу, и все равно не выросло.

– Зато клумбы она столько поливала, что теперь там красивые цветы, – это в маленьком дворике, куда выходят окна кухни, небольшой столовой для своих и дверь гостиной.

– Значит, не так уж некрасиво?

– Когда я только приехала, мне Вальехос показался ужасным, но жить там очень спокойно. У Миты есть служанка, которая готовит и убирает, и няня, чтобы сидеть с малышом, пока она в больнице. Все местные бедняки Миту просто обо-

жают, потому что она не жалеет для них ни ваты, ни переки-
си водорода, ни бинтов.

– Больница – новая, красивая?

– Фармацевт, который лабораторией до Миты заведовал,
вечно жадничал, будто все его собственное было, а не боль-
ничное.

– Я видела последний фильм Карлоса Палау.

– Мита его посмотрит, когда он пойдет в Вальехосе.

– Долго она встречалась с Карлосом Палау?

– Никогда мы не думали, что Карлос Палау добьется успе-
ха.

– Никогда она не встречалась с Карлосом Палау, танце-
вать он ее приглашал, но я всегда дожидалась конца танцев,
чтобы отвести девочек обратно.

– Он в муниципальном театрике позади сцены всякие ве-
ревки дергал.

– Он единственный настоящий красавчик в аргентинском
кино.

– Муж Миты – вылитый Карлос Палау, я всегда это гово-
рила.

– Пожалуй, похож, но уж не вылитый.

– Из семьи Палау кое-кто так и живет в том же бараке.

– Никогда бы не поверила, что Мита привыкнет жить в
маленьком городке.

– Первым делом цыплята хватают объедки, а кукурузу по-
том.

– Дедушка, ты какого цыпленка зарежешь к воскресенью?

– Сегодня зарежу цыпленка для отца Виолеты, ты бабушке не говори, еще рассердится.

– Виолета пошла на кухню с мамой и бабушкой, теперь они тебя не увидят.

– Вот зарежу этого цыпленка и пошлю отцу Виолеты – пусть порадуетя.

– Дедушка, а кто больше зарабатывает: ты на цыплятах или отец Виолеты, когда чинит много ботинок?

– Клара, я при твоей матери не хотела рассказывать про контору. Он – такой мужчина, чем больше с ним говоришь, тем больше он нравится. Он мне признался в любви.

– Как ты можешь говорить, что он признался тебе в любви? Это бывает, когда молодой человек метит в женихи, а женатый мужчина не признается, он только делает гнусное предложение. Ты меня, Виолета, пожалуйста, не путай или тогда вообще лучше ничего не рассказывай.

– Он вовсе не красавец. Но говорить с ним очень приятно.

– Если думаешь вышивать покрывало, теперь самое время, дни становятся длиннее и после работы у тебя будет светлый часок-другой, при дневном свете устаешь вполтину, да и тебе везет, что с работы приходишь рано.

– Бедная Адела.

– Бедняжка с утра сидит в конторе при электрическом свете.

– Придется мне уйти, не повидавшись с Аделой.

– Ты не знала, что она допоздна работает?

– Сейчас Аделе не помешал бы диплом, чтобы не работать секретаршей.

– У одной уже есть диплом, да он ей теперь ни к чему.

– Как там дела у мужа Миты?

– Продал дом и на это купил бычков. Мама хочет, чтобы я вышила Мите покрывало, но я, наверное, не смогу. Пошлю ей в Вальехос трафареты, она сама сделает. У нее ведь две служанки. Ты ничего не говори, но папа пошел резать цыпленка, отнесешь твоему папе – пусть порадуется.

– По-моему, это несправедливо, что она вышла там замуж, вместо того чтобы помогать матери, ведь ее учеба стоила немалых жертв.

– У Аделы новые очки – из настоящей черепахи.

– Вы извините, что я не помогаю резать цыпленка, на меня это так действует, но папа будет вам от всей души благодарен.

– Мита тоже не хотела смотреть, как я режу цыпленка, а потом съедала подчистую.

– Больше всех визжала эта подружка Миты по факультету, дочка профессора.

– София Кабалус?

– Она замуж не вышла?

– Мита в Вальехосе, поди, скучает по здешней жизни.

– София Кабалус ни разу и не зашла сюда после отъезда Миты. Я уж ее сколько месяцев не вижу.

– Мне на работе рассказали, что ее отец совсем из ума выжил, без конца занятия пропускает. И они только и делают, что читают. Вы Софию не видите потому, что она безвылазно сидит дома и читает.

– Подожди, пока Адела придет.

– Хочется на ее новые очки поглядеть.

– Они ей стоили почти полмесяца работы.

– Те дни, что она ходила без очков, у нее голова раскалывалась.

– Бабушка, а зачем Виолета глаза черным мажет?

– Она уже заводит шашни со своим новым начальником.

– Вот обрадуется ее отец цыпленочку. Они, наверное, и не помнят, когда последний раз курятину ели.

– Неудобно ей говорить, но молчать еще хуже – этот мужчина вконец ей голову заморочит.

– Бедная ее мать, встала бы она из могилы.

– Виолета заметила, что мы ее отцу больше не носим туфли.

– Я всякий раз, как шла забрать туфли, возвращалась ни с чем. Нельзя же так: обещает ко вторнику, а во вторник они не готовы, даже если надо только набойку набить. Так он потерял всех клиентов, потому что не о том думал.

– Они больше не репетируют по вечерам в итальянском клубе, бесполезно, опера ведь дело сложное, если нет настоящих голосов, то получается курам на смех.

– Сегодня один его угощает, завтра другой. Твой отец сам

иногда ему рюмочку подносит, он не рассказывает, но я в этом уверена.

– Мите и Софии Кабалус пришлось уйти с репетиции – до того их смех разобрал.

– Что бы сегодня на ужин сделать?

– На грядке у забора пора бы обрывать салат, а то кончики уже лиловеют.

– Пожалуй, нажарю бифштексов и сделаю побольше салата. Отец может суп от обеда доест, если ему не хватит. С какой стати он подарил цыпленка этому сапожнику?

– Отцу Виолеты пишут из Италии чаще, чем нам.

– Мне пора домой; сделаю на ужин биточки, дети их любят, а Тито съест, если поставить на стол и ничего не сказать.

– Не знаю, чего он не ходит к врачу.

– Пап, ты бы мне зарезал цыпленка к воскресенью.

– Я всегда все подряд ел и никогда ничего не бью.

– Ну что за бестолковый человек, думаешь, раз ты ешь как слон, значит, все такие, ну что за бестолочь.

– У Тито желудок никудышный, хочешь не хочешь, а надо беречься.

– И брат у него такой же, сразу видно, что желудок больной, это у них семейное.

– Не семейное, это золовка испортила Тито желудок, он мне еще женихом жаловался на несварение, как ни спрошу, что он ел, вечно одно и то же – тяжелая пища.

– Когда Тито у брата жил, он уже тогда на желудок жало-

вался.

– Я гляжу, золовка кое-как готовит, а для вкуса везде кладет перец, только и думает, как бы побольше наперчить.

– Она же без конца на улице пропадает, когда ей возиться на кухне?

– Для хорошего жаркого время нужно и хозяйский глаз. Ты, мам, не представляешь, как это кстати, что у тебя дома огород, а то ведь и не упомнишь всего, что надо купить, разную зелень и приправы неострые. У тебя вдоволь и базилика, и розмарина, и петрушки полно. А у нее вечно кладовка пустая, вот она в последний момент и бросает в кастрюлю перец, и любая еда тяжелая выходит, сколько бы она ни тратила денег на нежирное мясо.

– Не знаю, как там Мита выкручивается, у Берто ведь тоже очень капризный желудок.

– Берто, если ест спокойно, что угодно переварит. Мита говорит, это все от нервов, а на деле желудок у Берто не такой капризный, как у Тито.

– Дедушка понес цыпленка отцу Виолеты. Мама, можно я тоже пойду?

– Опять пошел в сером фартуке. Видела бы Мита, как он ходит на улицу в этом сером фартуке, вот бы рассердилась.

– Клара, твой отец без этого фартука жить не может.

– Мита перестала бы защищать Виолету, если бы слышала, что та про нее говорит.

– Мам, дедушка уже перешел улицу, я его не догнал.

– Но Адела не смогла бы учиться с таким слабым зрением.

Ты вспомни, как ее головные боли донимали.

– С утра до вечера на работе и все время со светом.

– А может, вернулась бы Мита в Ла-Плату, и ей снова бы захотелось в университет. Отец Софии мог бы устроить ее к кому-нибудь ассистенткой.

– Так хочется поглядеть на малыша Миты.

– Нет, ведь Берто решил, что Мита бросит работу, как только дела его немного поправятся.

– Умираю от усталости.

– Виолета думала, ты работаешь с девяти до шести, и пошла готовить отцу ужин. Передавала тебе привет.

– Она что-то хотела мне сказать?

– Принялась рассказывать Кларе про одного мужчину с работы.

– Мне очень надо поговорить с Виолетой. Бедняжка. Ее отец сам готовит себе ужин, теперь поди знай, куда она пошла.

– Сказала, что должна готовить отцу ужин, ушла – еще семи не было.

– Мама, я умираю от усталости, ты что днем делала?

– Собиралась вычистить ковер на лестнице, но пришла Клара, и мы с ней сели немного пошить.

– Ты уговорила ее сделать Мите покрывало?

– Она пошлет ей все рисунки. Так хочется поглядеть на малыша Миты.

– Натертый мозаичный пол очень красиво смотрится; когда я стояла у дверей и ждала, пока ты откроешь, видела, как на свету все сверкает от парадной до края гостиной.

– Клара была права, но я больше не дам ей натирать пол, когда сойдет блеск, у нее довольно хлопот с домом, детьми и мужем. Муж любит биточки, а жареного ему нельзя, так у Клары хватает терпения варить мясо, проворачивать, а потом она добавляет розмарина и сыра и подрумянивает в духовке, чтобы биточки были как настоящие: на вид не отличишь, и для желудка не вредно.

– Если надо к следующей субботе, я тебе весь пол натру за вечер.

– Виолета не знала, что у тебя такой длинный рабочий день.

– Сегодня было очень много работы.

– Виолета жаловалась, что печатает за высоким столом и устает.

– У нее в конторе нет и половины той работы, что у меня.

– Глаза себе намазала, как цыганка. Наверное, пошла на свидание к этому мужчине.

– Если он женатый, то должен ужинать дома в такое время.

– Значит, к другому пошла.

– Что же ей, по-твоему, делать? Домой идти и на отца смотреть?

– Я иногда думаю: встали бы матери из могил.

– Сначала надо подмести, потом пройтись тряпкой, тогда

пол будет чистый и впитает мастику. Потом обмакиваешь тряпку в мастику и наносишь ровным слоем по всему полу, и тут начинается самое муторное: растираешь суконкой, пока не заблестит.

– Будь ее мать жива, все вышло бы иначе.

– Летом двери во дворик будут открыты, и тогда станет видно, как натертая мозаика блестит и в парадной, и в гостиной, до конца крытого дворика.

– Мита пишет, что не любит наводить порядок в доме, который она снимает, уж очень он старый.

– Хуже, что в Вальехосе все растет с таким трудом.

– Хорошо, когда у тебя большой дом, но ведь чего стоит содержать его в чистоте.

– Бедная Мита так и не смогла пожить здесь.

– Дальше курятника никуда не смей ходить в этом фартуке.

– Пап, накрывай на стол, а то я очень устала.

– Сколько уже из Италии не пишут?

– Вчера было письмо от Миты, и все. Надо бы сфотографировать дом и послать им в Италию.

– Что это Клара в пакете унесла?

– Черствый хлеб на сухари.

– Ты не послала в Италию ни одного снимка с домом? Пошли, они всегда ждут от нас новостей.

– Я им напишу, хоть они и не писали.

– Вот скосят клевер и напишут.

– Мита пишет, что с ужасом ждет начала весны, тогда у них в Вальехосе самый ветер с пылью поднимается.

– Адела, напиши сестре, она всегда ждет писем, вы не знаете, каково жить вдали от родных.

– А что писать?

– Не пиши, что я ходил на улицу в сером фартуке. Скажи, чтобы приезжала скорее, а то нам не терпится поглядеть на малыша.

– И Берто большой привет.

– Напиши, что если они переберутся в Ла-Плату, то смогут жить у нас, дом большой, всем места хватит. Надо будет подыскать приличную службу для Берто.

– Не выдумывай, папа. Он же тебе сказал, что не собирается на службу.

– Напиши, что видела Софию Кабалус, скажи неправду.

– Я все думаю ей позвонить, а потом забываю. Позвоню завтра с работы.

– Напиши, будто София Кабалус тебе сказала, что отец может устроить Миту на факультете, ассистенткой у какого-нибудь профессора.

– Виолета не рассказывала новых сплетен?

– Нынче ей вздумалось про Миту говорить, мол, зачем она столько надрывалась и учила аптекарское дело, которое ей не нравится, если потом вышла замуж и не собирается больше этим заниматься.

– Напишу Мите, что если она приедет в Ла-Плату да еще

устроится в университет, то сможет поступить на факультет филологии, как ей хотелось.

– Хватит учиться, сколько можно?

– Папа, не ешь больше, а то лопнешь.

– Ты не давай Кларе много черствого хлеба, а то не останется курам.

– Я целую банку сухарей истолкла на шницеля, так что весь лишний хлеб можешь отдать курам.

– Ты вот жалуешься, что нет хлеба, а сам столько его съедаешь, что даже не знаю, как в тебя влезает.

– Где идет фильм Карлоса Палау?

– Премьера в «Селекте».

– После схожу, когда будет дешевле.

– На снимке в газете он – вылитый Берто.

– Нынче Виолета без конца ругала Миту за то, что она на кино помешалась.

– Похоже, Виолета написала Мите, а та ей не ответила. Вот она на Миту и взъелась.

– Мита в последнем письме приписала: «это письмо предназначено и для Виолеты».

– Виолета хотела для себя отдельного письма.

– Что с этим кино у Миты просто мания какая-то и что у нее вечно всякие причуды, вот она и вышла за Берто, который похож на киноартиста.

– Поешь, а то заболеешь.

– Я так устала, что есть не хочется. У меня сегодня упали

очки, я чуть не умерла со страху.

– Где?

– На улице. Разбились бы опять, я бы, наверное, не пережила.

– Когда тебе снова к окулисту?

– Жаль глаза в кино портить, а то бы пошла на Карлоса Палау.

– В профиль он особенно похож на Берто.

– Если бы Мита устроилась на факультете, мы бы с ней могли встречаться после работы. Я каждый раз иду мимо библиотеки и вспоминаю Миту.

– Подумать только: уйму часов просидит за учебниками, а потом еще бежит туда с Софией.

– И снова за книги, у Миты железное зрение.

– Всё романы читали.

– Всегда вижу в окнах одни и те же лица, в этой библиотеке так темно. Эти жалкие лампочки свисают с потолка, черные от грязи, на них стеклянные абажуры из белого стекла, точно тюлевая юбочка, и все черные от копоти. Тряпкой со скипидаром можно в одну минуту отмыть и лампочки, и абажур – было бы светлее в этой библиотеке.

II. В доме Берто. Вальехос, 1933 год

- Думают, раз мы служанки, то можно под юбку лезть и делать что угодно.
- Я не служанка, я Тото нянчу, и все.
- Это пока ты маленькая, потом в служанки пойдешь.
- Не говори так громко, а то малыш проснется.
- Только вечером никогда не возвращайся домой одна по земляным улицам.
- Санитарки из больницы, которые до ночи работают, все живут на земляных улицах, и все равно одни ходят.
- Санитарки все распутные.
- У них одна незамужняя родила.
- Ты гляди в оба, а то увидят, что ты служанка, и положат на тебя глаз, хоть тебе всего двенадцать. Возьмет и попортит тебя какой-нибудь из местной шпаны.
- У них зубы желтые от соленой воды.
- Они на тебя точно глаз положили.
- На тебя саму глаз положили.
- Ты поосторожнее, а то они знают, что твоя сестра ребенка прижила и отец ее из дому выгнал.
- Спи, Тотито, засыпай. Будь умницей, поспи еще. Вот так... Эта чертова потаскуха думает, я как она буду.
- Ты теперь особо берегись, у тебя уж и месячные начались, пропадешь, если дашь какому-нибудь себя охмурить.

Враз заделают ребенка.

– Пусть себе болтает, тварь поганая, ты, Тотин, когда большой вырастешь, не будешь плохие слова говорить, правда, золотко? Ты у нас везучий, не то что Инес, вот кому не повезло, бедненькая, нет у нее отца. Где же теперь сестра? Уж не умерла ли? Я маленькая, а уже тетя, сегодня Инес в моей кроватке поспит, уложу ее между мной и Мухой, вот Инес и погрееется между двумя тетями. Ты бы испугался, если бы твой папа пришел пьяный, прямо падает, и как схватит ремень от штанов, и как стеганет меня, дай тебе Бог, Тотин, чтобы папа не хлестал тебя ремнем, когда большой вырастешь. Инес глупая и не знает, что если заревешь, то еще ремня получишь, вот бы ты, когда вырастешь большой, на ней женился, она чуток постарше тебя, но ничего. Инес уже «мама» и «папа» говорит. А ты когда научишься «мама» и «папа» говорить?

– Мне надо мясо готовить, а ты не ленись и подотри пол, не будь грязнухой, Ампаро, тебе же хозяйка сказала: где малыш напачкает, ты сама должна убирать.

– Я не грязнуха, у кого передник чище, у тебя или у меня?

– У тебя дома пол-то хоть подметают? У меня, может, и хибара, но пол мы подметаем, пол земляной, не каменный, но мы его всегда подметаем.

– У меня дома пол тоже земляной, и мы его все равно подметаем.

– Дома пол до того утрамбовался, что сделался будто

оштукатуренный. Его каждый день, как подметешь, надо водой сбрызгивать, чтобы пыль не поднималась.

– А у нас мама пол известкой поливает. Да заснешь ты наконец, чертов негодник!

– Сеньор Берто тебя услышит.

– Ампаро! Угомони ребенка, я работаю!

– Хозяин сидит со счетами в столовой.

– Не всем везет, как тебе, Тотин, чтобы всегда из тепленькой бутылочки пить. Бедная Инес просыпается голодная и пьет из холодненькой, а то пока мама среди ночи встанет, чтобы дрова разжечь и согреть молоко, целый час пройдет, а Инес еще сильнее ревет, если папа стегает ее ремнем. Хорошо, Тотин, что твой папа не убил директора больницы.

– Ампаро, пойди сюда!

– Хозяин!

– Хотел, чтобы я паука убила, который по стене полз, но я не достала.

– Большой паук? У меня дома живет черный паучище, прячется в соломе под крышей, все никак его не убью.

– А у меня дома в щелях; когда мама на улице в корыте стирает, я выношу Инес, вхожу в комнату с полным ведром воды и плескаю на стену, а между кирпичами все паутиной забито и чуть польешь водой, эти чертовы пауки так и прут из щелей, я их ботинком луплю, и они размазываются по кирпичам.

– Хорошо получается, если пол известкой полить?

– Я наврала, мама его поливала разведенным порошком от насекомых, который сеньора Мита дала. Целое ведро вылила, и пол стал как утрамбованный, с белыми пятнами от порошка.

– Ампаро!

– Опять уснул, сеньор.

– Приодень его к шести часам, поедем встречать сеньору из больницы.

– Надену ему штанишки и пелеринку, которые сеньорита Адела из Ла-Платы привезла.

– Ругал тебя хозяин?

– Он после обеда не ложился, сидит со счетами в столовой. Хорошо, что он насмерть не прибил директора больницы.

– Не то сидел бы в тюрьме, не отпустили бы. Но сеньора ведь говорила, что возьмет тебя в Ла-Плату, чего же ты ноешь?

– Дали бы ей отпуск, она бы взяла меня в Ла-Плату.

– Сейчас же вытри пол.

– Я так рада, что хозяин его не убил.

– Вам сколько литров молока оставить?

– Говорила я вам, чтобы не колотили в дверь во время сиесты; оставьте два с половиной литра.

– Звонок не работает.

– Мы его отключаем, чтобы хозяин спал после обеда. Входите без стука.

– Он сегодня не ложился, а коли б спал и проснулся от шума, так бы раскричался, что вы бы надолго запомнили.

– Твой хозяин столько раз лишь чудом выкручивался, ему лучше поменьше кричать.

– Будто вы не знаете, что у него от засухи пали все бычки. Чтоб у вас передохли все коровы, если еще мне в дверь стукнете.

– У меня всего-то четыре коровы, сам за ними и смотрю. А у кого много было, те дерьма объелись.

– Убирайтесь с кухни, а то вас коровы заждались. Придете домой, а какая-нибудь откинула копыта.

– Я не с вами разговариваю. Какой у тебя красивый передник, Ампаро!

– Ворованный он. Эта воровка после первого причастия не вернула платье, которое монашки дали ей поносить.

– Сейчас за неделю заплатите, за двадцать литров?

– Подождите, Ампаро спросит у хозяина.

– Жду тебя на улице, а то лошадь уйдет.

– Хозяин говорит, что заплатит на той неделе.

– Ампаро, ты поосторожнее с Фелисой, она распутная.

– Вы Фелисе не верьте. Мне монашки это платье дали перед первым причастием, как и другим бедным девочкам, которые в процессии идут позади всех. А хозяйка сказала, что-бы я его оставила себе, все равно оно по краю обтрепалось. И подкоротила его.

– Мне сеньора Мита говорила, что, когда ты подрастешь,

она тебя научит и ты поступишь санитаркой в больницу.

– Не хочу, они самые распутные.

– Фелиса еще хуже.

– У санитарок халаты затасканные и некрахмальные.

– Все лучше, чем быть служанкой.

– А из чего хозяин выкручивался?

– Да рогатый муж мог его убить.

– Но хозяин никуда не ходит без сеньоры.

– Это когда он неженатый был, сколько раз чудом спасался, а то бы прирезали. Иди в санитарки, Ампаро.

– Одна санитарка незамужняя родила.

– Твоя сестра тоже без мужа родила, ты-то чего воображаешь?

– Зачем опять проснулся, негодник? Задала бы тебе ремня, будь моя воля. Но мне надо тебя нянчить, пока не вырастешь. Вот купит твоя мама мебель, и я стану у вас ночевать. Была бы для меня кровать, на всю ночь оставалась бы нянчить. Что дороже: кровать или бычок? Ах, если бы у твоего папы было много денег, как у отца Моря Менендес, я бы все время жила у вас, как няня Моря Менендес... Не плачь, сейчас сменю, мокрую пеленку уберем и положим сухую, если капельку помолчишь, я пеленочку проутюжу, чтобы тепленькая была, а то у тебя вся попка скукожилась. Теперь Мора Менендес уже большая, настоящая барышня, а няня так и живет у них, и жених у нее есть из деревни, он к ней в гости прямо в дом ходит, в гостиную. У Моря еще нет жениха, но

когда будет и станет к ней ходить, – она что, няню из гостиной выгонит и ей придется сидеть с женихом на кухне?

– Ампаро, после отнесешь это письмо на почту. Ну что, шалунишка? Причеши его получше, Ампаро, скоро повезем к маме.

– Я малыша с собой на почту возьму, сеньор.

– Ампаро, запомни, ты мне поклялась никому про это не говорить.

– Я и не говорила никому. Упаси Бог, умереть мне на этом месте.

– Никогда не говори Мите про нашу тайну.

– Не скажу, сеньор. Только сеньора спрашивала, откуда у меня на руке синяк.

– Какой еще синяк?

– Ну когда вы увидели, что я видела, как вы за дверью стоите и слушаете, чего они говорят.

– Какой такой синяк?

– Да вы тогда, сеньор, и не заметили, как руку мне сильно зажали, пока я не поклялась, что ничего не скажу сеньоре Мите.

– А Адела тебя ничего не спрашивала?

– Спрашивала, они с сеньорой спросили, откуда у меня на руке синяк. Но я же вам поклялась, что ничего не скажу про то, как на вас наткнулась, когда вы за дверью слушали, чего они говорят.

– Поклянись снова. Что не скажешь Мите, вообще нико-

му.

– Хорошо, сеньор. Клянусь белым светом, да ослепнуть мне на этом месте.

– Бог тебя покарает, если нарушишь клятву.

– Нет, нам монашки говорили, что клясться грех, что никогда не надо клясться.

– И что ты им про синяк сказала?

– Что это меня священник поколотил в церкви. Такое раз в церкви было, я сеньоре Мите и рассказала. Священник этой Рольдан затрещину вlepил, она аж грохнулась на пол, а потом Рольдан встала обалдевая и не знает, куда идти, и пошла было в ризницу, а священник как схватит ее за руку, как шмякнет об стенку, потому что она облатку глотать не умела и чуть не подавилась и жевать ее принялась, когда та застряла в горле, это было перед первым причастием.

– Кто эта Рольдан?

– Одна девочка, за железной дорогой живет. Мы с ней позади всех в процессии шли.

– И Мита тебе поверила?

– Сеньор, я не знала, что вы пишете письмо, думала, вы со счетами сидите. Будете мебель покупать?

– Ампаро, грязнуха паршивая, пришлось мне самой пол подтирать.

– Мне уже не надо на почту, потому что хозяин порвал свое письмо.

– Сходи-ка в булочную за толчеными сухарями. Знаешь,

что я тебе скажу? Я к ужину нажарю шницельков, а ты дома будешь доедать похлебку, которую твоя мамаша сварила на обед.

– Везет же тебе, Тотин, не то что Инес. Она ведь мне не сестра. Вот послушай: Инес, бедняжечка, – дочка моей старшей незамужней сестры, поэтому я для Инес тетя, и, когда она подрастет, я смогу ее шлепать... А Муха мне сестра, только младшая, и если я дергаю ее за волосы, она царапается когтями, как кошка. Тебя я шлепать не могу, потому что у твоего папы есть деньги, и он мне платит, чтобы я тебя нянчила, но если ты не будешь лежать тихо, я тебя ущипну, когда никто не видит, лежи тихо, негодник, кому говорят! Если б ты знал, бедная Муха ни разу не ела шницелей, а в тот вечер, когда лил жуткий дождь, и я не могла вернуться домой, и Фелиса нажарила шницелей, после ужина хозяин отвез меня на машине, и я легла с Мухой и рассказала ей про шницеля. Муха откинула мне одеяло с живота и стала водить холодной рукой, все хотела шницеля потрогать. Вот бы твой папа заработал много денег и купил мебель. Повезло же няньке Моры... жених звонит в дверь, она выходит ему открывать, а сама без передника... Хорошо, что твоего папу не посадили в тюрьму, бедная твоя мама, директор ее враз без отпуска оставил, и она не смогла поехать в – Ла-Плату, зато хозяин чуть не прибил директора насмерть.

– Чего купила?

– Кило сухарей на шницеля.

– Пакет сухарей подорожал теперь на пять сентаво, откуда у тебя лишний пятак?

– Я сказала булочнику, чтобы не брал с меня дороже, потому что сеньора Мита ему в больнице мазь от прыщей дала.

– Чего ты так печешься о хозяйском кармане?

– За что хозяина хотели убить?

– Мне говорили, в него однажды стреляли, а потом еще раз.

– Хозяина все женщины любили?

– Не видишь разве, что он красивый, как киноартист?

– Ну вот, Тото, сейчас тебя причешу, и мы с твоим папой поедem на машине в больницу встречать твою маму. А ну не маши рукой! И под ребра мне не тычь, и так болят от этой Мухи, она во сне всю ночь пихает меня локтями, острыми как палки, она такая тощая, и все потому, что не хочет больше есть похлебку. Если у вас сегодня останется лишний шницель, завтра утром попрошу его у твоей мамы, она даст. Муха ни разу не ела шницелей. Мал ты еще, и шницель тебе не дадут, а то бы мог попросить за ужином шницель. Только мал ты еще, а то бы спрятал, и я бы завтра Мухе отнесла. Но ты, клоп поганый, и говорить-то еще не умеешь.

– Ой, Ампаро, как ты его красиво причесала, только не разбрасывай мне тут грязные пеленки. За малышом ты должна прибираться, а не я.

– Фелиса, я вчера видела, как сеньора плакала.

– Только при хозяине не говори, сеньора плачет, когда он

не видит.

– Тото, не лохматься! Оставь волосы в покое! А этот подлый ворюга булочник хотел содрать с меня подороже, нам надо беречь деньги, Тотин, тогда твой папа купит мебель и я останусь спать в новой кровати. Пойдет дождичек, и трава начнет расти, чтобы бычки кушали, только вот невезуха моя чертова, сколько б дождь ни лил, мертвые бычки твоего папы все равно не оживут. Буду тебя нянчить, пока не вырастешь.

III. Тото, 1939 год

А там три игрушечных человечка и старинная дама в большом парике с высокой прической и юбкой, раздутой, шелковой, самой дорогой; человечки в длинных шелковых чулках и шелковых панталонах до колен, на дамах шелковое платье, и на человечках платье тоже шелковое, а белый нагрудник у мужчин совсем как у тебя, мам, в кружевцах, и парик белый. Они фарфоровые и стоят на полке у матери мальчика из дома напротив, это потому, что они твердые и невкусные, а костюмы у них такие же, как у человечков с лицами дурачков, но они все равно хорошие и глядят на даму в гамаке, они нарисованы на твоей коробке для катушек, прямо на крышке, коробка теперь лежит со скатертью и салфетками, а раньше в ней были конфеты. На благотворительном вечере третьей школы большие ребята нарядились в такие же костюмы, как у человечков, и танцевали гавот, самый красивый номер третьей школы, мамочка! ну почему ты не пришла? мы были с папой, потому что мама дежурила в аптеке и пропустила все номера ребят из третьей школы. А помнишь человечка и куколку, и еще деревце и домик, во всех зубочистки понатыканы, это чтобы легче из орехового торта выковыривать? Или тогда был с молочным кремом? Ты, мам, съела одного человечка, я другого, в зеленой шляпе, ой, а голова? разве человечкам не больно? а Фелиса съе-

ла деревце, тоже из сахара, все они были такие разноцветные. Папа не любит сладкого, зато мальчик из дома напротив учится во втором классе, и у него больше нет канарейки, можно я ей воду поменяю? «нельзя», это потому что я неделю ходил в детский сад и больше не захотел? на вечере самые маленькие, которые весь год ходили в детский сад, показывали номер про гномиков, но мне не понравилось. Я однажды разучивал с ними, все самые маленькие встали друг за другом в ряд, а воспитательница играла на пианино и пела «си-фа-соль-соль-соль-ля», и все вместе должны были хромать на одну ногу и нагибаться в одну сторону, а я перепутал ногу и больше не захотел ходить в детский сад. Из-за этого он мне играть с ней не дает, «если канарейка поет, значит, она довольна», потому что день рождения? и мать мальчика из дома напротив поставила в духовку бисквит? мам, он, наверное, еще не готов, я прокалю его зубочисткой, и если зубочистка вынетса чистенькая, значит, бисквит готов, ну не надо, он еще горячий, и, пока не остынет, ты его не режь и не мажь молочным кремом, ах, какой вкусный дымок идет из духовки, он кружит по всему дому – и долетает до канарейки? щекочет ей клювик, и она поет, только у мальчика из дома напротив больше нет канарейки. Мальчик мне сам сказал, и мама его сказала: кот виноват. Кот умеет готовить? с картошечкой? с чесноком и петрушкой? Мальчик из дома напротив рассказывал: «я сменил воду и пошел за мешочком с кормом, все равно канарейка не улетит, и вдруг слы-

шу шум, это кот как прыгнет со стола, одним махом сцапал канарейку и отправил в рот, когда я повернулся, канарейки уже не было», так целиком и проглотил? – «кот ее целиком проглотил, и она прямо к нему в брюхо попала, поэтому он такой толстый, вот потрогай живот», мамочка! не смотри на него! и я не буду, только издали погляжу, и вы не позвали полицию? у мальчика дома коту разрешают спать в гостиной. В детском саду плохо, я всего три дня выдержал, мальчик из дома напротив говорит: «у вас в первом классе будет сложение и вычитание, если ты осел, учительница тебе указкой все ребра пересчитает». А марш гномиков был самым плохим номером на вечере третьей школы, в зал мэрии мы пришли рано, и папа говорит: «официант, какое у вас меню?», перед номерами дают майонез, желтый такой, гладенький, и папе достается майонез с сардинкой? а мне – с зеленой маслиной и с черной маслиной! я их не люблю! пап, почему ты не ешь сардину? отдай мне. Пап, я писать хочу! – «можешь сам сходить», я свет не достану! зато, мама, в кино в перерыве зажигаются все огни, «давай лучше сейчас пописаем», и мы с тобой идем в женскую уборную, потому что в мужскую женщинам нельзя, а если бы мама не хотела писать, то можно во дворе кино, куда ходят маленькие мальчики и девочки. Большая девочка. Платье на ней тюлевое, крахмальное, жесткое и царапается, ох, как она платьем царапается, а Злая Колдунья из «Белоснежки» царапается клювом, это у нее нос такой; девочка сидит за столом рядом, пап, не на-

до, ничего ей не говори! – «милая, ты не могла бы отвести ребенка в уборную?», девочка большая, и лицо ужасно вредное, папа, она не может отвести меня в мужскую уборную, «какая разница, отведи его в женскую», нет, лучше ты! – «а куда водит тебя мама в кино?», по коридору мэрии есть одна дверь, жалко, она на ключ закрыта, а то бы я побежал к тебе в аптеку, мам, через площадь. Фелиса, это правда? – «злой цыган, лицо как сажа, волосатая рука, он крадет хорошо одетых мальчиков, которые ходят одни», а я однажды пошел на площадь один. В коридоре открытая дверь, и я туда заглянул, но это не уборная, там большие ребята переодеваются для номера с гавотом, а на вешалке, высоко – не достанешь, розовая маска висит, кто из ребят ее наденет? мальчик или девочка? В женской уборной горит свет, она такая же, как у нас дома, только без ванны, а девочка достает свет? свет уже горел, и девочка не закрыла дверь, я могу убежать, Фелиса, он за дверью? цыган прячет мальчика в мешок, и никто на улице не замечает, но полицейский сажает его в тюрьму, потому что знает, что это цыган, да, но цыган наденет розовую маску и скажет: «у меня в мешке облезлый бешеный кот», а вдруг мальчик тогда закричит и цыган его выпустит, а где цыганский табор? – «цыгане давно ушли из Вальехоса, но один остался и крадет детей», где он прячется, Фелиса? – «за городским прудом, где загон для лошадей, лицо у него черное, как сажа», и он бьет детей кнутом, как лошадей. Учительницы бьют указкой, а в детском саду не бьют, я пошел

разучивать номер про гномиков и не выучил, если на следующий год в первом классе будет номер про гномиков, меня не возьмут на вечер? а вдруг девочка протянет руку и погасит свет раньше, чем я пописаю, а папа сказал: «спасибо, что сходила с ним, милая» и поцеловал ее в лоб, и жесткое платье совсем его не поцарапало, «скажи девочке спасибо», а я взял и спрятался! спрятал голову у папы между брюк! только лучше всего прятаться в твоих юбках, мам, потому что голова прячется, а если папа раздвинет ноги, меня увидят, зато вредину поймает цыган, придет домой и схватит. А на сладкое что дадут? Кремовое пирожное с вишенкой и орешками, они кусочками порезаны и сидят так тесно, что крема не видно, «официант, я не буду пирожное», папа! лучше мне отдай! я твое пирожное съем и мое, мама, она дает мне свое пирожное, не хочет толстеть, это когда мы ехали в спальном вагоне Вальехос – Ла-Плата, «веди себя хорошо, мы не дома», пап, попроси твое пирожное, а то мое было без вишенки, «не смей говорить неправду, сам знаешь: у мальчиков, говорящих неправду, вырастает хвост, как у обезьянок», и вот гаснут огни, «будешь плохо себя вести, пойдем домой и никаких номеров не увидишь», а если я скажу папе правду, что не пописал в уборной, он уведет меня домой до начала представления; большой разноцветный занавес поднимается, и на сцене герб, потому что «мальчик Хоакин Росси прочитает нам замечательное стихотворение Франсиско Рафаэля Кайвано „Отчизна“, папа, только не зови девочку, в жен-

ской уборной горит свет, и я пойду сам, а в другой комнате никого нет, только висит всякая одежда, вот встану на стул и дотянусь до розовой маски, и если войдет воспитательница из детского сада, скажу, что мимо пробежала собака и я забрался на стул, чтобы не укусила, и пойду в уборную в розовой маске? тогда цыган подумает, что это не я, „ты что тут делаешь? чего роешься?“ – большой мальчик в костюме китайца! не в костюме для гавота, как те ребята, они самые хорошие! а ты собаку видел? маленькие мальчики не должны говорить неправду, не то у них сзади вырастет длинный хвост, как у обезьянок, и тогда уж цыган меня сразу поймает, ухватит за хвост и готово, „чего роешься?“, а я ему не смог наврать про собаку, сказал, что ходил в уборную для мальчиков. Детский сад – это никакой даже не сад, а комната, где стол с мокрым песком, но папа не захотел пирожное и мне не взял, а оно было с вишенкой; в графине от сервиза пробка красная, как вкусная вишенка, только стеклянная. Мам, сегодня после кино пойдем смотреть витрины, обещаешь? и будем долго стоять перед витриной игрушечного магазина, где корова нарисована на фанерке и дерево из проволоки, а картонные домики некрасивые и самые дешевые, все равно ведь Фелиса провозится с ужином, и тогда мы еще успеем посмотреть смешные лица? все-все снимки про первое причастие у фотографа на витрине, и у тебя, мам, уже текут слюнки? кондитер каждый день меняет свою витрину: шоколадный мы уже на мой день рождения ели, рулет ты сама

умеешь, а с белым кремом терпеть не можешь, правда? и самый дорогой торт с начинкой из мороженого и глазированных фруктами, а в середине большая зеленая ягода, совсем как камень на твоей брошке. Куда ты пошла? уже сиеста, и пора спать, ну куда ты? сегодня тебе на работу в больницу не надо, ты куда, торт делать? Мама! не уходи от меня, я хочу еще поиграть, ну когда ты мне торт сделаешь? мама идет не на кухню, а в спальню – за книгой со всеми рецептами? Папа позвал маму, и она пошла спать. Я только рот шарфом обвязал, а нос не хочу, хоть папа и заставляет, ему не холодно, он пончо надел – пончо дяди Перико, который умер; после праздника уже очень поздно, и на улице холодно-холодно, пойдем через игрушечный магазин, через игрушечный магазин идти дольше, но мы с мамой всегда возвращаемся домой через игрушечный магазин: там на углу под фонарем кто-то стоит, наверное, полицейский, нет, это цыган, не хочу туда! идем смотреть витрину! – „в час ночи нельзя громко кричать“, а свет в витрине не горит, „я же тебе говорил, что свет не горит, по твоей милости придется идти лишние три квартала“, вчерашние игрушки убрали? ничего не видно, какие-то висят, вроде вчерашние, темно очень, в стекле лучше всего видно дом напротив и деревья на тротуаре, как в зеркале, все кругом черное, потому что деревья на тротуаре черные, и лицо в стекле черное как сажа, и пробка вишенкой – из стекла, а то бы я ее съел, ой, кто это смотрится в зеркало на стекле? никто, потому что это противное пончо –

пончо дяди Перико, хорошо еще, что мама с Фелисой зажгли все огни, а то мама ночью боится, так нас и ждали, пока мы с папой не пришли с вечера. Но теперь сиеста, и они спят, Ампаро уехала в Буэнос-Айрес и больше не вернется, а Эктор пошел играть с большими ребятами. Мальчик из дома напротив спросил: „Эктор твой брат?“, мама шлепает по щекам не очень больно, она и Эктора шлепает, только он старше меня и бежит быстрее, маме его не догнать, а мальчик из дома напротив говорит: „твой папа самый хороший из всех, лучше моего“, это потому, что он меня никогда не бьет, и Эктора тоже не бьет, а однажды после обеда мне было скучно и я разбудил маму, и папа сказал: „я тебя никогда не бил, но если уж дам – костей не соберешь“, а я буду думать про самое любимое кино, потому что мама сказала думать про кино, чтобы не было скучно после обеда. „Ромео и Джульетта“ – про любовь, только кончается плохо, жалко, что они умирают; это мое почти самое любимое кино. Артистка Норма Ширер никогда не бывает плохой. Мама шлепает не очень больно, а папа даст – костей не соберешь. На причастии Эктора была одна картинка, совсем как Норма Ширер: святая в белом платье монашки и с белыми цветами в руках. Она у меня есть серьезная, когда смеется и в профиль, я из всех журналов вырезал, где она в разных кино, которых я не видел. А Фелиса говорит: „расскажи кино про танцы“, и я рассказал неправду, не про то, как они танцуют вдвоем и ветер поднимает ей тюлевое платье и фалды его фрака, а будто ти-

хонько прилетают птички и поднимают шлейф ее платья и его фалды, и птички танцуют с ними, потому что Джинджер Роджерс и Фред Астер поднимаются под музыку в воздух, и ветер уносит их высоко вместе с птичками, которые помогают кружиться им все быстрее, какой красивый цветок! он, наверное, нравится Джинджер, белый цветок высоко-высоко на дереве, и она просит птичку его сорвать? а птичка притворяется, что не слышит, когда я хочу дать им крошки хлеба, они улетают и надо далеко идти, они меня боятся? и маму тоже? но там есть одна птичка, самая хорошая из всех, и когда Джинджер не видит... она летит и срывает цветок с дерева и втыкает ей в светлые волосы, а потом Фред Астер поет, что с цветком ей очень красиво, и она смотрится в зеркало, а в волосах у нее цветок, который она хотела, совсем как заколка, и она подзывает хорошую птичку, которая садится ей на руку, и гладит ее и ласкает, потому что птичка сделала ей такой приятный сюрприз. Фелиса всему верит, а это неправда, только в „Белоснежке“ есть птички-друзья, потому что это мультфильм, а когда не мультфильм, птички не садятся на руку, они боятся и улетают, один голубь Чоли не боится, но птички намного красивее. Голубь летает до груши и обратно и кружится, как в „Белоснежке“, потому что Чоли не смогла взять его с собой на поезд, она насовсем уехала в Буэнос-Айрес. „Одна подруга у меня на весь Вальехос“, а она взяла и уехала. У мамы нет другой подруги, я стою рядом, а голубь ест, ночью он спит в саду, высоко в домике

без дверей. Птички слетаются поесть хлеба с молоком, который делает им Фелиса, и все вместе взлетают на крышу и на деревья и снова слетают вниз и каждый раз уносят немного хлебушка, а я должен смотреть издали. Фелиса, а правда, что коты не залезут к голубю в домик? – „этого голубя никто не достанет, ни коты, ни грифы“, пусть мама поклянется, Фелиса, а что такое грифы? „это стервятники“, какие они? „большие, черные и клюв крючком“, большие как что? нет, они меньше котов, „примерно такие же“. Мама! голубочек должен спать со мной! а то ночью в саду домик без дверей, и черный гриф, у него клюв крючком, большой, длинный, ведь у котов такая большая пасть, и он повыдергивает голубочку перья своим длинным клювом, а потом съест? Нет, голубей не догнать, они летают быстро, а злые птицы летают медленно, потому что они тяжелые и животы у них раздулись, так они много едят... канареек? Когда мама встанет после снесты, пусть поклянется, что голубочка никто не догонит, он пролетает отсюда-туда и обратно, серпантинки мама бросает лучше всех, они раскручиваются и делают больше кругов, чем птичка, пока не упадут на землю, а Джинджер Роджерс делает полный круг в огромном доме, где на полу мозаика с большими рисунками, а всю мебель пришлось вынести, чтобы Джинджер могла танцевать, ни на что не натываясь, четку она умеет отбивать так, что на полу не остается царапин. Раньше все ленты с ней были смешные, а в субботу мы видели самое красивое кино про Джинджер Роджерс – с тан-

цами и плохим концом, там Фред Астер умирает на войне, разбивается на самолете, она ждет, а он не приходит. И начинается суматоха, потому что все его ждут, они ведь должны танцевать вместе на благотворительном вечере, и тут она видит, как толстый друг идет навстречу с плохой вестью и смотрит очень грустно, чуть не плачет, и она все понимает, по щекам ее текут слезы, и она смотрит на сцену, где никого нет, потому что Фред Астер умер и уже не придет, и видит, как они вдвоем появляются прозрачные, это она представляет, что после его смерти они снова танцуют, и отходят все дальше и дальше, и делаются совсем крошечные, и кружатся где-то там, за деревьями, и их больше не видно, куда они, мам? „это значит, что даже после его смерти она всегда будет его любить, как когда они танцевали вместе“, ей грустно? „нет, потому что они как бы вместе, ничто их уже не разлучит, ни война, ничто“. Эктор никакой мне не брат, мама говорит, что он двоюродный, просто его мать больна и Эктор живет у нас, только он никогда не играет со мной в картинки. У меня вся „Ромео и Джульетта“ нарисована на картинках, сначала надо рисовать простым карандашом, а после раскрашивать разными цветами, мама нарисовала на одной картинке Ромео, на другой Джульетту, потом балкон и как Ромео лезет по веревочной лесенке, а Джульетта его ждет; а вчера еще одно кино целиком нарисовали, где Джинджер Роджерс и где он умирает, и мама сказала, что если я буду хорошо себя вести и не стану шуметь во время сиесты, она

мне еще одно кино нарисует, самое красивое про танцы, его в четверг показывают, мама говорит, что видела фотографии и такого роскошного еще не было. Оно называется „Великий Зигфельд“, хорошо, что мама в четверг не дежурит в аптеке и сможет пойти в кино. Эктор не хочет со мной играть, он садится впереди, в кино ребята сидят на первых трех рядах и играют: ударят сидящего спереди, а он не знает, кто ударил, и дает сдачи сидящему сзади, а бил-то совсем другой, который сбоку; Эктор и все ребята смеются, когда артисты поют, а один из ребят, когда артистка умерла, пукнул ртом. Папа не хочет, чтобы мама была одна, и я сажусь с ней, а на задних рядах стоит дорожка. Один мальчик из детского сада сидел на переднем ряду. Поча Перес двенадцать лет: „приходи в сиесту, я тебе дам в рождество поиграть“, после „Ромео и Джульетты“ мы встретили Почу с матерью и тетей, они сидели на заднем ряду, и мама им говорит: „я видела „Ромео и Джульетту“ в Буэнос-Айресе, в театре“, в сиесту я теперь и сам могу пойти к Поче играть, потому что она живет за углом и не надо переходить улицу, „Поча, займи ребенка, дай нам с Митой поговорить“, после „Ромео и Джульетты“ Поча показала мне ясли с младенцем Иисусом, они стоят у нее в столовой, „не трогай!“, нельзя потрогать коровку? улицу переходить не надо, и я однажды пошел к Поче после обеда: у нее черные кудряшки, подвязанные ленточкой, и платье в зеленых цветочках, у нее два похожих платья, одно в зеленых цветочках, другое в голубых, тетя сидит за швейной ма-

шинкой, „знаешь, Поча, в кино одна старушка на переднем ряду плакала“, а Поча смеется, Поча плохая! „ах бедная старушка, как она плачет!“, я тоже плакал, когда Ромео и Джульетта умирают, и пошел играть в рождество – ясли стоят в столовой, а в гостиной есть пианино, и Поча разрешит мне поиграть, „в рождество нельзя играть, и на пианино тоже, теперь сиеста и все спят, давай в другое играть, ты будешь мальчик, а я учительница“, нет! „считать научишься“, нет, Поча, когда ты дашь мне ясли? „они не разбираются“, после сиесты будет поздно и надо идти с мамой в кино, „ты еще маленький и ничего не умеешь, во что с тобой играть?“, я все игры знаю! „ты еще маленький“, нет, у нас с мамой даже игра такая есть – кино рисовать, „давай играть в сиесту“, а что надо делать? „я буду спать наверху, на крыше, под одеялом, но без трусиков. А ты будешь большой парень, придешь... и сделаешь мне одну штуку“, какую штуку? „это игра такая, ты должен угадать“, если угадаю, тогда пойдем играть в рождество, а что тебе делает парень, который приходит на крышу? Мама отвернулась, кино про убийства такое страшное, там один входит в темную комнату, а за дверью стоит убийца, и мы с мамой отвернулись, потому что это кино про ужасы, а однажды перед кино показывали журнал про дно моря, и мама отвернулась, потому что там одно растение шевелилось в чистой-чистой воде на дне моря, и все волосы у него извивались, как серпантинки, но мама сказала „отвернись!“, а я не послушался и смотрел, как маленькие разно-

цветные рыбки проплывают мимо хищных растений на дне моря. „Поклянись мамой, что не знаешь, что делают большие парни“, клянусь, „если парень заберется на крышу, пока я сплю, он сорвет одеяло и изнасилит меня“, что такое „изнасилит“? „это одна гадость, которую нельзя делать, в нее только играть можно, если девочке это сделают, она пропадет-погибнет навсегда“. Я не стал отворачиваться и смотрел, как волосы, похожие на серпантинки, сначала извиваются в чистой-чистой воде на дне моря, а потом вдруг как сложатся вместе и как схватят рыбок, которые через них проплывают. „Больше не спрашивай, все равно не скажу“, Поча плохая, не хочет говорить, что делал парень волосами, „раз не знаешь, что это такое, игра не получится, ты еще маленький“, Поча, ну скажи, что такое „изнасилит“, „мы не можем в это играть, должен быть большой парень, волосатый“, а я Поче не сказал, что видел кино про дно моря, где волосатое растение поедает разноцветных рыбок; Поча, а давай по-другому играть, я буду девочка, а ты парень, я ведь не знаю, как надо делать, а ты научишь, и Поча говорит „давай“: я ложусь на ковер, как будто сплю на крыше, а на Поче тогда было платье в зеленых цветочках, и она тихонько подходит сзади, ой, кто это там подглядывает в дверь через щелочку? – это тетя Поча смеется надо мной! у нее тоже кудряшки с ленточкой, а я взял и спросил ее, что такое „изнасилит“. „Ну и дрянь же ты, Поча“, сказала тетя и ушла на кухню. „Ты еще маленький, чтобы со мной играть“, я Почу не могу ударить, потому что

она большая, а то бы поотрезал ей все кудряшки ножницами, которыми вырезаю артисток, и затолкал бы жесткие кудряшки в рот, пусть ест. А после скажу: „Поча, на конфетку“, а сам подсуну ей твердую собачью какашку, которую нашел на улице. Ведь это из-за Почы Фелиса меня ударила. Жалко, что сейчас сиеста, а то бы пошел играть в рождество, только там Поча, она так и не сказала, что такое „изнасилит“. Что же он делал волосами? „парень зажмет меня и не даст убежать, я даже пошевелиться не смогу, тут он меня и изнасилит“. А сама не хочет говорить, что такое „изнасилит“. Вот в кино про дно моря волосы поедают рыбок. Сначала длинные волосы, мягонькие такие, шевелятся в воде, а где же рыбки, которые к ним подплыли? – „Тото, отвернись!“, их уже нет! растение с волосами всех проглотило. Если девочке это сделают, она пропадет-погибнет навсегда; большой парень придет, увидит, что Поча спит, тихонько задерет ей платье в зеленых цветочках, а трусики-то Поча надеть забыла! – и чтобы она не убежала, парень зажмет ее и как начнет шевелить волосами, и если Поча будет лежать тихо, как рыбка, волосы парня съедят ей сначала всю попку, а после живот, сердце, уши, и понемногу он всю ее съест. Золотая цепочка, кудряшки, туфли, чулки, платье в зеленых цветочках и майка будут валяться на полу, а внутри пусто. Поча пропадет-погибнет навсегда, и больше ее не будет. Бац! – Фелиса ударила меня по щеке, хотя никогда не бьет. На кухне в печке горят дрова с бумагой, я поднес спичку, спичка сразу загорелась, дрова

сами разламываются на кусочки, похоже на тыквенное варенье, так бы и съел, только огонь не дает, а если поворошить ножом, то кусочки варенья рассыпаются, и летят искры, „сгоришь!“, Фелиса не хочет, чтобы я ворошил дрова в печке, „не шали, кому сказала!“, мама тогда дежурила в аптеке, папа сидел со счетами в кабинете, а Фелиса отняла у меня нож, „Фелиса – дура изнасильная!“, и Фелиса меня ударила. Мама! „кто научил тебя этому слову?“, „сеньора, с мальчиком нет никакого сладу“, „матери Почы я ничего не скажу, но саму Почу хорошенько отругаю“, „Берто, ребенок совсем отбился от рук“, „да-да, в воскресенье набирают детскую футбольную команду“, не хочу в команду! „мальчик совсем отбился от рук, запишу его в клуб, пусть гоняет мяч с другими ребятами“, „целый день дома покоя от него нет“, „что ему ни скажешь – все впустую“, это они потому, что дядя Перико умер. Я больше не захотел ходить в детский сад и сел играть в картинки, только в кино про дно моря не играл, где рыбки умирают, а в тот день дядя Перико умер, „Тото, перестань играть, дядя Перико умер“, я все самые красивые картинки про Ромео и Джульетту разложил на полу в гостиной, но папа сказал: „бедный дядя Перико умер, иди одевайся и веди себя тихо, громко не разговаривай и не пой“, все потому, что мама отвернулась и теперь не может нарисовать кино про дно моря. Дядя Перико всегда в баре с деревенскими сидел, и после ярмарки, где продают бычков, они шли играть в карты, и в кино никогда не ходили, жалко, что растения со

дна моря поедают красивых разноцветных рыбок, лучше бы ели злых и старых рыб с лицами осьминогов и акул, зато мама говорит, что на картинках роскошнее всего выйдет „Великий Зигфельд“, его наконец-то покажут в четверг. „Кому сказано: перестань играть! разве тебе не жаль дядю Перико? ты непослушный и капризный мальчик, и что хуже всего – видно, никого не любишь!“ И никто меня не ударил, если папа мне даст – костей не соберу, а вот мальчику из дома напротив мать спускает штаны и шлепает по попке, но я не плакал, когда дядя Перико умер. Шерли Темпл маленькая, но уже артистка, она всегда хорошая, все ее очень любят, а в одном кино у нее плохой дедушка с длинными белыми волосами, он курит трубку и сначала даже не смотрит на Шерли, но после начинает ее любить, потому что она хорошая. И она говорит правду. У непослушных мальчиков не растут ослиные уши, а хвостик вырастает, когда говоришь неправду. У мальчика из дома напротив, наверное, не вырастут длинные уши, если у него умрет дядя. Но кого украдут цыгане, того мать уже не узнает, они его вымажут сажей. В школе учительница с указкой, кто не умеет считать до ста, получает указкой по одному уху и по другому, и мальчик смотрит в зеркало на свои уши, а они растут, растут и становятся как ослиные, и если я скажу: „училка – дура изнасильная“, она опять схватит указку? но теперь чтобы меня убить, а я возьму и прыгну в окно, ой, что-то я запутался у нее в ногах – это у меня вырос длинный хвостик, когда я сказал, что хо-

дил в мужскую уборную в мэрии! Теперь хвостик сделался длинный-предлинный, и я не могу прыгнуть, а учительница с указкой уже совсем рядом! Если Фелиса придет на кухню и снова захочет меня ударить, я прыгну в окно и убегу, потому что у нее нет указки, постараюсь изо всех сил и прыгну далеко-далеко, чтобы не упасть в пруд в городском парке, надо глядеть в оба, а то вдруг там на дне есть изнасильное растение. Вот я прыгаю... и как будто лечу... ой, а ведь за прудом как раз загон цыгана, и я падаю прямо туда? Тогда скажу, что я рыбка, и нырну в банку, буль-буль-буль, кричу я громко, а мама меня ищет, потому что пора в кино? ищет и не может найти и идет искать в уборную кино, но в женской уборной меня нет, а в мужскую ей нельзя! – кино показывают красивое, и она остается смотреть, и крики рыбки слышны далеко-далеко, и мама говорит: „ах, как плохо ведет себя эта рыбка, и никого она не любит, когда умер дядя, рыбка не плакала и даже не перестала играть“. Я молчу, потому что открывается дверь: это цыган, он медленно подходит, хватает украденную девочку – и бьет ее по щеке? или спускает ей штанишки и шлепает по попке? нет, цыган плохой, он раздевается, зажимает бедную девочку, и когда она уже не может бежать, начинает шевелить волосами и понемногу всю ее съедает, сначала ногу, потом руку, и другую ногу, и толстую попку. А к повозке с лошадьми привязана Шерли Темпл. Но я не плохая рыбка, а хорошая, я отвязываю веревку, и Шерли Темпл убегает. Потому что я буду хороший, как Шерли. Ок-

на в школе высоко, но я скажу маме, чтобы она, когда пойдет в магазин, встала на цыпочки, тогда она дотянется и увидит меня на уроке, только пусть ходит каждый день, заставлю ее поклясться, а сам пообещаю вести себя хорошо, и она будет забирать меня из школы. На мой день рождения купим торт, а после пойдем смотреть кино про танцы, и если я захочу писать, мама отведет меня в женскую уборную, ой, я уже сказал неправду! – что ходил в мужскую уборную, и тогда мне нельзя будет в женскую, потому что у меня вырастет хвостик, хорошо только, что дети могут писать во дворе кино и никто ничего им не говорит, хотя струйка делает в земле ямочки и во дворе остаются грязные лужи, и мама смотрит, куда наступает, и не ставит ногу в грязь, а я начинаю писать... если рядом нет большой девочки в жестком платье, которое царапается... она плохая... и может взять грязь из лужиц и измазать мне лицо черным... но я спрячусь в женской уборной, а девочка меня догонит и напялит на меня юбочку в наказание за то, что я забрался в женскую уборную... мама! кино уже началось и в зале темно? мама будет ждать меня внутри, сидя в кресле, и тогда я крикну, чтобы она пришла и спасла меня! „кто эта девочка-негритянка, чего она кричит? вчера кричала сбежавшая рыбка, и пришел хозяин и кинул ее в банку, а теперь уводят сбежавшую девочку-негритянку, она должна идти сторожить рыбку, и обе будут плакать всю ночь напролет, лучше я закрою окно, а то они разбудят Берто, он ведь не выносит шума“. Девочку-негритянку и рыб-

ку заперли в загоне у цыгана. Они черные от земли, грязи и конских волос из хвостов. Ворота закрыты на ключ и засов. А кино про танцы уже начинается, и маме грустно, потому что я его пропущу, первый номер еще не самый красивый, просто чечетка, самый роскошный номер будет в конце, какой он будет, самый роскошный номер из всех? Поднимается занавес, а за ним еще один, сверкающий, и он тоже поднимается, и остается последний занавес, а значит, сейчас начнется самый роскошный номер из всех, и я его не пропущу: такой сильный ветер! он открывает одну половинку ворот, и девочка-негритянка с рыбкой убегают, какое счастье! они бегут быстро-быстро, потому что цыган гонится за ними, и девочка с рыбкой должны перепрыгнуть широкий пруд в городском парке, с черной грязной водой, но они маленькие и не допрыгивают и падают в пруд, цыган их не видит, потому что они упали под черную воду, а цыган бежит и бежит, не останавливаясь, и его больше нет. Когда все балерины уже стоят в ряд – это начало последнего номера, все будет нарисовано на картинках, и получится самое роскошное кино в моей коллекции, но мама выходит из кино грустная, потому что меня нет. Мама плакала однажды, когда мы шли вдвоем по улице, но я не помню почему. Когда? Мамочка, почему ты плачешь? она не говорит, но девочка-негритянка и рыбка плавают мертвые в пруду, и хорошо, что, когда самолет разбивается, Джинджер Роджерс и Фред Астер танцуют прозрачные в воспоминании и никто их больше не разлучит

– ни война, ничто; когда мама встанет после сиесты, скажу ей, что я не шумел и вел себя хорошо. Фелиса больше ни разу меня не ударила, потому что я веду себя хорошо. После смерти рыбка и девочка-негритянка сделаются прозрачные и попадут на небо, только не хочу, чтобы мама рисовала их на картинках, прозрачные они получатся некрасивые, все такие грязные, птичка красивее? умерла какая-нибудь птичка? канарейка мальчика из дома напротив? нет! мама ее не нарисует! другая птичка – в воспоминании, она будет прозрачная на небе, тогда мама поймет, что она мертвая, и каждый день после кино мы будем глядеть вверх мимо груш и рассказывать ей, какое кино смотрели, кто там в ролях и какие были номера с танцами, чтобы птичке было не так скучно: с высоты облаков все в Вальехосе кажется крошечным, и цыгана больше нет в загоне. Лучше всего улететь на облака к Джинджериным птичкам, мы играем целый день, а внизу учительница с указкой в школе, такая крошечная, а Поча на кухне с тетей. До облаков долетают только птички, они едят большие крошки от торта, которые бросает им Фелиса, и больше никто туда не долетает? никто, потому что черных птиц, огромных, как коты, и чтобы клюв крючком, не бывает, пусть мама поклянется в этом.

IV. Разговор Чоли с Митой. 1941 год

– Мита, мальчик у тебя – просто загляденье. Славный до невозможности.

–

– Нет, уверяю тебя. Поди, подрос и подурнел, думала я, и лицо грубое стало, как у мужчины.

–

– Вот и я того же боялась! Думала, обязательно подурнеет, ему ведь скоро восемь, а он все такой же славненький. «Мамочка, пойдём к Чоли, у которой дом с лестницей», в этом мерзком городишке ему моя лестница, верно, казалась как во дворце.

–

– Бабушкин дом! он ведь гостил у бабушки и теток в Ла-Плате. Но я же не такая старая, как твоя бабушка, или старая? Смотришь, как растут дети, и невольно задумываешься о возрасте.

–

– Помолодела лет на десять, потому что слежу за собой.

–

– Ты права, дело не в этом. Он и не думал умирать так скоро.

–

– Вот бы рассердился, что я крашу глаза и хожу с распу-

ценными волосами. Все они сволочи.

—

— Это тебе повезло, их ведь на тысячу один порядочный.

—

— ...Ты же ему ни в чем не перечишь. Я, как подумаю, что целых двенадцать лет прожила с этим подлецом, в отчаяние прихожу.

—

— Только ради мальчика, а так двенадцать лет — коту под хвост.

—

— А что в этом плохого — с утра болтать? Хауреги, бывало, и не слушал меня.

—

— Битый час втолковывала ему, что испортила пиджак. Дырку прожгла, когда пятно выводила: он пиджак просит и собирался надеть в таком виде, не знал, что там дырка.

—

— И как ты могла терпеть его ревность? Длинные рукава в летнюю жару, понятно, он-то никогда не посмотрит на другую, а вот Хауреги на всех женщин пялился. Он под конец был страшнее некуда, к пятидесяти годам.

—

— Можно весь день ходить неприбранной, но к вечеру я сажала малыша за уроки, обязательно принимала ванну и переодевалась, а потом шла посидеть на балконе.

—

— Тебе все равно, как ты выглядишь, потому что Берто не хочет, чтобы ты была слишком привлекательной.

—

— Знаешь, что он у тебя домашний, сидит под боком на своем складе и оттуда ни на шаг, да и куда ему ходить в Вальехосе?

—

— Нет, я больше тосковала в Буэнос-Айресе, на первых порах мерзко быть продавщицей, даже в заведении высшего разряда.

— Сколько ты там уже не была?

—

— Ну а твоя мама?

—

— Но его тоже в кино не затащишь, верно? В кино-то мог бы с тобой разок сходить.

—

— Снотворное! Ты же училась, должна знать лучше моего. Вечно читать газету до поздней ночи, может, он от этого такой нервный, зачем ты его балуешь? не читай ему вслух газету! — чем зарабатывать столько денег и гробить себя, лучше бы сходил с тобой разок в кино, а то вечно ты одна с Тото таскаешься.

—

— Зато на улице меня неприбранной не увидишь, конечно,

тут нет интересных людей, с кем можно поговорить. А после, когда шла на кухню готовить ужин, я всегда переодевалась или повязывала голову косынкой и набрасывала халат, а то одежда портится и запах пристает. Стоило мне чуть принарядиться, он смеялся, как бы говорил «чего ради?».

—

— Но в поездках ни один не мог удержаться, чтобы не сказать: «какая вы интересная, Чоли».

—

— Интересная – чтобы люди думали: «кто она?»

—

— Из-за теней на глазах, правда?

—

— Такие ради мужчины готовы на что угодно, воруют, крадут драгоценности, на границе становятся контрабандистками, а шпионки? – и вряд ли все это из-за денег, кто-то их попросит, они и впутываются.

—

— С тюрбаном. В темном тюрбане я такая загадочная, конечно, теперь я работаю агентом в «Голливуд косметике» и в моем распоряжении любая косметика даром, вожу с собой кучу бесплатных образцов, так что могу подбирать, что мне лучше подходит.

—

— Такая, чтобы накраситься и быть элегантной.

—

– При твоих скромных туалетах нельзя сильно краситься: твой тип – женщина с образованием. У каждой свой тип.

–

– Нет, но если бы ты сказала, что ты в Вальехосе самая эффектная, я бы с тобой раздружилась.

–

– Хорошо еще, что на этот раз я в Вальехосе проездом.

–

– Их это бесит. Хотели посадить меня под замок, всю в трауре.

–

– Правда? Просто я теперь понимаю в элегантности. И язык у меня подвешен, скажешь, нет? Хотя и не училась, да? Мы с тобой ладим, Мита, потому что ты независтливая, красишь одни губы и пудришься немного, но ты сама знаешь, эти местные никогда не любили нас за то, что мы чужачки.

–

– У тебя свой дом. И Берто в двух шагах на складе, ты его не видишь, только когда ходишь в кино, с шести до восьми, достаточно тебе один раз вернуться с середины фильма, если что заподозришь, хотя не думаю, чтобы Берто тебе такую пакость устроил.

–

– Что? Да стоит ему глазом повести, как любая из старых знакомых мигом прибежит, ты здешних тихонь не знаешь.

–

– Когда я ему возразила, что ты училась и поэтому он должен всегда к тебе прислушиваться. Ах, как бы я хотела учиться!

–

– Почему нельзя ему сказать?

–

– Он против меня настроился с тех пор, как я защищала женщин, которые красятся.

–

– Взяла мальчика в последнее воскресенье, что провела в Буэнос-Айресе. Ему пришлось захватить из школы учебник повторить географию, ты бы видела, как он знает карту Европы.

–

– Мне так лучше, я ведь очень высокая, у меня тип американки.

–

– В поездках.

–

– Темные очки в белой оправе, а волосы осветленные под цвет меди и гладкие.

–

– Шеф «Голливуд косметике». Говорить-де следует мало, держаться с достоинством, великолепно одеваться и не очень церемониться с клиентом.

–

– «Берите пример с американки, которая приезжала из фирмы в прошлом году, она никому не доверяла» – еще бы, она все больше молчала, потому что по-испански почти не говорила. А я взяла это на вооружение, тем более у меня тип американки, и теперь ни с кем не церемонюсь.

–

– В костюмах из недорогой чесучи, свободного покроя, типа спортивных, с туго затянутым красивым поясом, чтобы подчеркнуть талию, и волосы хорошенько расчесаны щеткой, кажется, вся копна прямо шелковая, и когда танцуешь в ночном кафе, откинешь голову, а волосы так и струятся водопадом на плечи, очень соблазнительно, а если едешь провожать кого-то в аэропорт, они развеваются на ветру, это всегда волнует. Ну и сохранять их шелковистыми тоже надо уметь, если никогда не мыть, станут жирные, а мыть часто, делаются сухие и секутся.

–

– На лицо хороший слой крема и почти без румян (чем бледнее, тем интереснее), а на глаза побольше теней, чтобы взгляд был загадочный, и черная тушь на ресницы. Знаешь, мне идут все прически Мечи Ортис. Ни одна артистка мне так не нравится, из аргентинских.

–

– Это надо видеть, какую прическу себе ни сделает, все ей идут. Представляю, до чего нахальный был у нее муж, она ведь вдова, а ты не знала?

—

— С длинными волосами она бесподобна, длинные такие и спереди высоко зачесаны. Вот интересная женщина!

—

— Это от страданий, и ведь чтобы сыграть такие сильные роли, ей, наверное, много в жизни пришлось пережить, видно, что у нее идет из души. Она в актрисы пошла, сразу как овдовела.

—

— А в фильме, когда она влюбляется, прямо чувствуешь, как она умирает от любви к этому человеку, все ей нипочем, она жертвует всем, чтобы уехать с ним.

—

— В Буэнос-Айресе их навалом, на часок поболтать, и все. Не знаю, смогла бы я, как она, но для этого надо влюбиться по-настоящему, безумно влюбиться. Я уже ничего не жду, понимаешь? Ничего.

—

— Не могу.

—

— Он всегда был красавец, киноартист.

—

— Из деревни в город и обратно, но его никогда не видели с девушкой, вечно ходил один с каким-нибудь другом, с девушками не гулял. Но все равно то и дело разносился слух, что кто-то от него без ума и собирается покончить с собой

или уйти в монастырь, даже из тех, у кого жених...

—

— Он же у тебя на привязи — никуда не ходит и по горло в делах.

—

— Не хочешь знать с кем, не буду говорить. Сколько лет прошло: я до свадьбы с Хауреги еще о чем-то мечтала.

—

— Разница в годах. Но он меня тогда во всем ублажал: придет, бывало, ко мне в Брагадо и каждый день водит в кафе, я там выпивала немного пива, а то братьям не нравилось, если я пила вермут. А Хауреги был большой молчун.

—

— Что он станет рассказывать о своих делах, когда мы поженимся и сблизимся.

—

— Я и губы-то почти не красила, ты меня понимаешь?

—

— Зимой. Когда мы приехали в Вальехос, стояли безумные холода, у нас была печурка, так она едва нагревала комнату. До чего холодно было раздеваться! Хауреги только того и ждал, сразу набросился, а я стою, ничего не знаю, как ангелочек.

—

— Ты при сестрах раздевалась?

—

– Я ни разу.

–

– Он до свадьбы всю меня трогал, но только под одеждой, другое дело, когда тебя без всего трогают. Так противно голый, сразу видны все дефекты.

–

– С выключенным светом. Но я такая белая, что меня всю видно, и когда он сдернул простыни, я прикрылась руками, а он как схватит за руки, и ничего нельзя было поделать, да еще раздеваться пришлось в комнате с мужчиной, и унять его не было никакой возможности, никогда не видела, чтобы человек так терял над собой контроль. Хауреги я целовала до свадьбы, целовала и больше ничего, знаешь, как коты, когда их окатишь водой, прямо сходят с ума, и шерсть у них встает дыбом. Хауреги было не узнать, такой он стал весь взлохмаченный.

–

– Ты ему ни в чем не перечишь, потому что он обещал отпустить тебя в Ла-Плату.

–

– А на свадьбу твоей сестры?

–

– Ладно, на этот раз тебя не отпустили в больницу, но все другие разы ты не ездила из-за Берто, потому что сеньору Берто так хотелось.

–

– Из-за наследства Хауреги, там вышла заминка с бумагами.

–

– Взял и умер, а меня сколько ни спрашивай про его дела, я бы ничего не сумела ответить, разве только, что понаставил мне рогов, я каждый раз, как узнавала про его шашни... благодарила небо. Откуда мне было взять эти сведения, которые просил адвокат?

– Расспросить обо всем золовку в письме, так она все поняла наоборот, и как я не догадалась про кассиршу? с каких это пор надо каждый вечер по целому часу снимать кассу? Я ужинала с сыном, а после подогрела ему, хоть он и дулся, что еда перестоялась.

–

– Нет, ты бы не пережила.

–

– Придет не в духе, а ты терпи это. Я все равно приводила себя в порядок, снимала косынку с головы и передник и под вечер шла к тебе пить мате – шикарно одетая, по высшему классу, а ты, как сейчас помню, встаешь после сиесты такая счастливая, с опухшими со сна глазами.

–

– Вот была новость – что Берто отпускает тебя в Ла-Плату зимой!

–

– Меня в дрожь раньше тебя бросало, поверь.

—

— Так никогда не поссорисься, а я не могла промолчать с Хауреги, всегда отвечала.

—

— Ты в больнице больше получала, чем в аптеке?

—

— Про все меня расспрашивали, знали, что я разбираюсь, ведь если женщина безлобая или с длинным лицом, тюрбан ей как нельзя кстати.

—

— Сколько тебе исполнилось?

—

— А что он тебе подарил?

—

— Почему?

—

— Нет, в ателье мало кто заходил, разве что Рамос, агент по тканям, до чего милый человек. И еще его подручный, который ткани носил, увалень, он мне напоминал Хауреги.

—

— Молчал потому что.

—

— Мита, как я увлеклась Рамосом...

—

— Несколько молод для меня, но такой изысканный, такой воспитанный, а манеры... что у твоей девочки. И все-то он

знал! В модах разбирался почище любой в ателье и про последние новинки нам рассказывал.

—

— Сразу же. Описывал, что он там видел в театре «Колон» божественные классические танцы.

—

— Сдуру не пошла, хотела обновить черный бархатный костюм, да так и не сшила его. Говорил, находит меня очень интересной, хотел, чтобы я все ему рассказала.

—

— Про Хауреги, все-все, в подробностях.

—

— С первого же вечера. И про привычки Хауреги. Видно, хотел меня возбудить, потому что на другой день просил все повторить сначала... тут я подумала, что он воспользуется и начнет меня уламывать, и мне уже стало противно... только ничего подобного, не знаю, что там с ним случилось. Я никогда не говорила с мужчиной о таких вещах.

—

— Я сама, однажды в магазине. Взяла его за руку. А в «Колон» я все равно бы пошла, даже без бархатного костюма, пошла бы в чем есть.

—

— Не выдернул, но и мою не пожал. Мне его подручный Хауреги напоминал, а хозяйка заметила и вздумала пошутить как-то утром, когда увалень заносил ткани внутрь, при-

нялась рассказывать, что мне нравится Рамос.

—

— С ним хоть можно было поговорить.

—

— До того уставала, что ноги отваливались.

—

— В полдник. Девочки из мастерской заваривали мате, и я, когда могла, заходила к ним посидеть, девочки его свежим пьют, потому что могут бросить шитье в любой момент, ну а я, если занималась с клиентками в примерочной, должна была терпеть. Сперва я с девочками из мастерской всем делилась, а потом перестала. Стоишь-стоишь, ноги прямо отваливаются часам к шести, а вечеру конца не видно, возьмешь чашку и сидишь на скамеечке в мастерской, мало того, что у девочек спина устает от шитья, так им еще и сидеть больше не на чем, кроме этой скамеечки без спинки, у меня хоть свой дом был... думаешь, хозяйка не могла купить стулья? — а зимой в это время уже темно, как ночью. Летом гуляй себе вволю, выйдешь с работы засветло, и кажется, что времени полно, можно что-то путное сделать, а зимой, когда сядешь пить мате, уже темно, как ночью, и вот выходишь с работы в такую холодину да без денег в кармане, а куда идти? Я сперва с девочками из мастерской всем делилась, но это было по дурасти.

—

— Самые молоденькие, да еще без образования, думают,

что шикарней их нет, и на нас, кто постарше, плевать хотели. Но я-то в жизни кое-чего достигла, как начну про себя рассказывать, люди сразу уши наостряют.

—

— Слушаю себя, и кажется, что кино рассказываю, да, Мита, не у каждого ребенка такая жизнь, как у моего, все-то у него есть.

—

— Что он в детском саду, узнали бы, что он уже в школе, дали бы мне лет сорок как минимум.

—

— Никто не знал, что у Хауреги был свой магазин, а то бы подумали, что я стояла за прилавком; я никогда не работала, пока не поступила в это ателье мод.

—

— Что у мужа было поместье, но потом он умер и адвокаты ободрали меня как липку.

—

— И у них молодость пройдет. Я потом пила мате молча. «Им на этих скамейках в самый раз, вы их не защищайте», говорит мне как-то хозяйка, «они ведь гнусные сплетницы, называют вас помещицей и помирают со смеху». Не всякая мать может отдать сына в хорошую школу, на жалованье продавщицы.

—

— Все жалованье — за школу. Правда, за пансион я платила

мало, да и то брала из банка.

—

— Нет, Мита, я свое отмучилась, повезло мне с «Голливуд косметике», теперь другое дело, никто мной не помыкает.

—

— Чтобы был тонким человеком и говорить умел, а если она уступит, чтобы дал ей почувствовать себя дамой и принимал бы как положено.

—

— В шелковом шлафроке и в наодеколоненной комнате, ну или что-нибудь такое.

—

— Ты, пожалуй, права, что он ужасно умный, ведь ничего за душой не имея, а пробился в люди. Семья у нас была большая, но жаль, что его не отдали учиться, а старший брат, который зарабатывал кучу денег, прекрасно мог бы заплатить за его учение.

—

— Да, но ты же училась, а он нет. Я чуть не умерла от расстройства, когда увидела, как далеко Соединенные Штаты от Англии, я думала, что Лондон – самое шикарное место, но все-таки ближе.

—

— Говоришь ему «белое», а он тут же думает, что «черное», подозрительный – каких свет не видел, думает, я в поездках гуляю напропалую, но теперь он зарабатывает хоро-

шо, чего же он такой нервный?...

—

— Разбирали в машине мотор и снова собирали. Малыш-то не водил, не доставал до педалей, но Хауреги все равно научил его ездить.

—

— Только с ним Хауреги и ладил.

—

— Хауреги научил его разбирать мотор, и они то собирали его, то разбирали.

—

— Когда вырастет, машины у него не будет.

— Да как же я ему ее куплю? Был бы жив Хауреги, дал бы ему свою. На пару собирали и разбирали мотор, но после все равно отвозили в мастерскую.

—

— На то они и мальчишки, сестра Хауреги постоянно приносила малышу игрушки, но малыш к ней так и не привязался, зато при виде отца и этого парня из мастерской шалел от радости. А парень из мастерской разрешал ему все трогать, даже ящик с инструментами, ну как ты даешь своему Тото журналы и катушки с нитками, только мой вымазывался в машинном масле, как чертенок.

—

— Естественно, у него ни на что нет времени, вечно в ка-

бинете, занят делами, или на складе разговаривает, тебе не кажется, что они весь день говорят о женщинах? о чем им еще, по-твоему, говорить, если не об этом?

—

— Разъезжаешь по всей стране, правда, немного одиноко — в постоянных разъездах, женщине, и одной.

—

— И тогда хочется немного поболтать. В Мендосе к этому часу холодает, как бы ни было днем солнечно, горный климат.

—

— В кофточке чувствуешь себя бесподобно, мало того что с моей работой не сидишь на месте, еще и солнце припекает вовсю. Только к вечеру надо одеваться потеплее, и на улице не видно ни души.

—

— Хорошо хоть у мальчика в Буэнос-Айресе центральное отопление в интернате, в приличной школе оно должно быть в первую очередь, он ведь столько часов сидит за уроками неподвижно: там он без моего крика обходится, их дисциплине учат ой-ой-ой.

—

— Всегда в лучших отелях. За счет «Голливуд косметике».

—

— Льяняные с вышивкой. Пол навощен так, что отражаешься. Я иногда сама с собой разговариваю, они небось думают,

что я ненормальная, или с тобой говорю, о чем угодно: «Понюхай, Мита, какой ароматный воск» или спрашиваю: «Ты любишь крахмальные простыни?»

—

— В кафе приглашают, а меня аж тошнит от этих хитростей.

—

— Только не замуж. Я должна хорошенько узнать этого человека, чтобы был очень умный, типа Рамоса, чтобы учил меня и про классические танцы рассказывал, я ведь не собираюсь умирать невеждой. Чтобы про все знал.

—

— Я чуть было не ушла. Пока Тото мне открыл, я прямо обзвонилась, а не успела постучать в стекло, как появляется Тото, весь белый от испуга, я уж подумала: «Боже мой, кто-то, наверное, заболел», так ведь нет, он ко мне подходит на цыпочках, мол, Берто спит после обеда и чтобы я не шумела.

—

— А вдруг принесут телеграмму, когда звонок отключен?

—

—

— Ужасно его боится? Ну я и сидела с ним, пока ты не встала, он тихонько себе играл, собирал домики, ведь таких игрушек, как у Тото, ни у одного мальчика в Вальехосе нет, я в Буэнос-Айресе видела, сколько стоят эти игрушки.

—

– Страшно дорогие. Не знаю, говорит ли тебе Берто, во что они ему обходятся.

–

– Хауреги мне ничегошеньки не говорил.

–

– В Тукумане, в последнюю поездку.

–

– Умопомрачительный, есть такие странные мужчины, они всегда заняты, неразговорчивы, мучаются дикой головной болью, а еще любят сидеть молча рядом с тобой и держать за руку.

–

– Нет, он знает в Тукумане лучших людей, в кафе тысячу раз вставал из-за стола: то звонил по телефону, то здоровался с кем-нибудь из прохожих.

–

– Без ума от меня, говорил. Говорил, что никогда не видел такой фигуры, как у меня.

–

– В какой-то притон на окраине. На коленях умолял, я бы ни за что не поехала.

–

– А красная бы не подошла?

–

– Раскапризничался, все ныл, чтоб ты купила себе бирюзовую, продавцу не давал слова сказать.

—

— Лучше не надо, такие не отстанут, пока ты не купишь хоть что-нибудь — темно-коричневую! сама знаешь продавцов.

—

— Я на кухне возилась с блинчиками, слышу — сейчас будет тарарам: «мам, купи себе бирюзовую, она самая красивая, мам», а Берто заладил «нет» да «нет», это ж надо какой нервный!

—

— А тот свое талдычит: «пап, пусть мама купит себе эту», ну Берто и взорвался.

—

— Уверяю, не по моей вине, неплохой был кандидат, только выскользнул, правда, в итоге оказался подонком. О нем в Тукумане дурная слава.

—

— Нет, он с другой обошелся гадко.

—

— Что ты, шикарная женщина, очень интересная, куда лучше его.

—

— Все по слабости, на третий день знакомства... не устояла.

—

— Вот именно, миленький домик на окраине, угостил ко-

ньяком, так они и двух слов не сказали, как он полез к ней, никакого даже шлафрока не надел, куда там.

—

— Не знаю, в нем как-то приличнее... Я на одной витрине видела очень нарядные, из парчи... Ну и она рассказывала, что он через полчаса проснулся, они ведь после этого засыпают, тут же вскочил, собрался уезжать, мол, дела у него, а сам не в духе.

—

— Потому что ей непременно хотелось остаться! провести там всю ночь и не возвращаться в отель (она тоже по делам приехала), занавески хотела спокойно посмотреть, красивой работы, индеанки с севера вышивали, и еще чилийское кильяngo — покрывало из шкур, ну и вообще побыть там как у себя дома, это она мне сама рассказывала.

—

— Во всех подробностях, но он ей не разрешил. А она уперлась, он поскучнел и под конец сознался, что дом не его, а одного друга.

—

— Потому что на улице он с ней больше не здоровался. Знаешь, Мита, Хауреги я бы этого не позволила, чтобы бить по столу кулаком и доводить мальчика до слез, правильно он упрасивал тебя купить ту ткань, она же самая модная, а то вечно ты ходишь в старушечьих платьях, ты уж меня извини, но это чересчур строгая одежда. И старомодная.

–

– Мальчик пугается криков, да еще когда стучат кулаком и бьют посуду.

–

– Я не уговариваю тебя надевать огненно-красное платье или то же бирюзовое, это не твой стиль, но все равно, будь я тогда за столом, не дала бы Тото в обиду, он ведь только хотел, чтобы его мать хорошо одевалась, как артистка.

–

– Мне бы не быть на улице такой дурой.

–

– А так разговоришься, глядишь, и найдешь общий язык, а там и понравишься ему, а он тебе. Иногда надо быть побойчее, намекнуть, что ты, может, и не против.

–

– И в отель так рано не возвращаться.

–

– Только не подумай, что я хоть раз была такой дурой.

–

– Ведь подумала? Сознайся.

–

– А после теряют всякий интерес и говорить с тобой не хотят: увидят раз без одежды и думают, что всё про тебя знают, и больше ты не нужна, точно платье, вышедшее из моды.

–

– Вот именно – с пустыми руками и в полной тоске.

–

– Да, а после подняться в свой номер одной и ни с кем не говорить.

–

– Я Хауреги всегда отвечала, а когда он зря напускался на малыша, глаза ему готова была выцарапать, хоть он и отец какой-никакой. Только Хауреги перетянул мальчика на свою сторону.

–

– Но в поездках всегда дела найдутся, ты не думай.

–

– Возишь одежду в чемоданах, она и теряет всякий вид. Вернешься в отель, и вечно надо что-нибудь приводить в порядок или гладить, так оно спокойнее.

–

– В отелях я обожаю все мерить одно за другим и изучать себя в зеркале.

–

– Разные сочетания платьев с косынками и туфлями, сумочками. Сперва утренние ансамбли с косынкой на голове, а после дневные – с волосами, подвязанными лентой или распущенными. Так часами и передеваюсь, ужасно забавно, жаль, сфотографироваться нельзя. Глядишь, и время проходит.

–

– Нет, заказываю в номер полный завтрак, я ведь не ужи-

наю – для фигуры полезно и для кармана. А захочется шика-
нуть, примеряю вечерние платья, с высокой прической, как
у Мечи Ортис в «Женщинах», когда она под конец идет на
свидание к мужчине, которого безумно любит.

–

– Не помню.

–

– Разве он муж? Она там бесподобна, такая стройная, чер-
ное облегающее платье, и глаза влюбленные, счастливая, что
идет к нему, она давно его не видела, а он мужчина тонкий,
умный, обходительный. А красиво оденешься – и все, пря-
мо другая делаешься. Ведь какая бы ты ни была, с обвислой
грудью или живот выпирает, у меня-то ничего этого нет, а
наденешь отлично сшитое платье, скрывающее недостатки,
и становишься неотразимой, и ты уже не какая-нибудь обык-
новенная женщина.

–

– Нет, не это главное, ты уж извини, Мита, но я не соглас-
на. Чтобы интересная была! – обязательно тени на глазах.

–

– Нет, но так привлекательней, будто за этим кроется про-
шлое. И откуда у этих женщин берется смелость жить такой
жизнью? Ну у тех, кто крадет драгоценности, или у шпио-
нок. Да и у контрабандисток. Вот у кого другая жизнь! Куда
интереснее! Потому что это главное, чтобы люди смотрели
на тебя и говорили: «до чего интересная женщина... кто же

она такая...»

V. Тото. 1942 год

Я только срисовывать умею, мама умеет рисовать сама, а срисовывать лучше выходит у меня. Что бы мне нарисовать до трех часов? Скучнее всего – это когда сиеста, и если пролетит самолет, папа просыпается, крики, мама радуется этому и сразу встает. Завтра день рождения у Гонсалес, я в это время уже буду одеваться; у Гонсалес с выпученными глазами. Зато у отца Алиситы глазки маленькие, а спит он и того меньше, даже не раздевается, когда ложится в сиесту, – а ну, быстро всем строиться, все – это я, Алисита и Гонсалес, хватит торговать, уже столько денег заработали, мы играли в магазин у Алиситы дома, и тут – а ну строиться! только полчаса прошло, а отец уже встает после сиесты; а я нисколечко не шумел, это всё они... и ничего не поломал, ой, страшно, мы бежим строиться, и отец вытащил руку из кармана, а там три карамельки, отец Алиситы – девчоночий отец. Пальцами надавишь, и можно у бабочки цветные узоры стереть, только надо гладить медленно-медленно, у нее разноцветная пыльца на крыльях; каждый вечер мама целует меня в лоб и говорит «до завтра» и гладит по щеке, почти как бабочку, отец Алиситы меня так же погладил, он ведь девчоночий отец. У отца Гонсалес есть эта его Гонсалес, но еще есть два сына, и он никого не должен гладить. Или это потому, что он держит свое дело и нервничает?

отец Алиситы много зарабатывает? нет, он ведь только приказчик в скобяной лавке, а не хозяин. А что вечером перед сном они с отцом играют и укладывают куклу спать, это Алисита наверняка врет, и будто он доктору если кукла заболит, сколько у нее кукол! в комнате у Алиситы какая-нибудь кукла всегда болеет гриппом, а свет они все гасят одновременно – Алисита, мать, отец и все куклы; хозяйева, которые держат свое дело, всегда нервные, и им приходится читать, чтобы уснуть, тем лучше, если начнется гроза, я увижу включенный свет и позову маму? а вдруг папа как раз будет засыпать? Вчера ночью гроза прошла быстро, потом я уснул. Один гром был, без молнии. Утром в школе опять немного погрело, но тоже без молнии. Теперь на небе тучи, но дождя нет, а в три у меня урок музыки, пока на складе никого нет, пойду туда рисовать афиши, сначала напишу большими буквами «Элис Фей в фильме»: (и арабскими буквами) «В старом Чикаго», а после нарисую большое лицо Элис Фей, приложу к стеклянной двери и обведу. Весь двор в грязи, до трех на склад никто не придет, что же я буду делать? Хорошо, что завтра день рождения, а сосед по парте испугался папиных криков и не хочет играть у нас в парадном, он позвонил в дверь после обеда, это я звонок забыл отключить, и папа как закричит из спальни громовым голосом. До трех еще больше часа осталось. Мама раньше половины четвертого не встанет. А завтра она не ляжет, будет меня одевать. Надо попробовать, как у меня

получатся китайские буквы. Алисита сегодня не играет, ее наказали, а я еще не сошел с ума, чтобы меня наказывали. У меня 10 баллов ¹ по рисованию и по естествознанию, 9 по арифметике, 9 за диктант и 10 за чтение. А «англичанка» сказала маме, что я весь материал усваиваю. Сегодня после музыки у меня до пяти английский, потом надо полдничать, а на складе уже снова будут работать, и я смогу пойти туда и поиграть немного с Лало, он большой, ходит в длинных штанах и разрешает, чтобы я помогал ему наклеивать этикетки на бутылки, он хороший, но папа однажды сказал, что Лало разгильдяй и наверняка месяца не пройдет, как он его выгонит. Лицо у Лало лучше всех, он не чумазая шпана, как другие, хотя тоже живет на земляных улицах, но лицо у него не чумазое, с желтыми от соленой воды зубами, а белое, как у артиста в фильме из длинной серии, который убегает из тюрьмы, потому что он хороший, просто однажды ударил полицейского ножом от злости. Но он не приходит играть, пока не откроют склад, вот если бы мама пригласила его на обед в час дня, когда у него перерыв, он, может быть, и остался, а то он приносит дрова и всегда стоит и смотрит на еду, которую готовит Фелиса, я один раз хотел оставить ему пирожное с кремом, но ведь мама его не пригласит. Велосипед мне нравится самый маленький, с колесиками по бокам, чтобы не упасть, папе не нравится, а мне очень. После английского я немного поиграю с Лало и опять сяду за уроки,

¹ В аргентинской школе применяется десятибалльная система оценок

хочу сделать иллюстрацию к задаче, задача на правило пропорции, учительница не говорила делать рисунок, но я все равно хочу нарисовать мельницу, я ее в журнале увидел и хотел нарисовать, только не знал где, а тут задача про водяную мельницу. Черным нарисую контур и хорошенько все раскрашу, а когда задали рисовать органы пищеварения птицы, я их не из книги для чтения взял, а перерисовал из учебника зоологии Эктора, так труднее, учительница посмотрела, и я думал, ей понравится, но она сказала, что там не только органы пищеварения, там еще и органы размножения, и велела подойти к ней на перемене. Ну я на перемене подошел, а она как стала мне все объяснять: «Тот, страницу надо бы вырвать, но раз ты так хорошо нарисовал, я тебе все объясню, а то придет инспектор и скажет, что ты срисовал как попугай, не понимая, что к чему». И как пошла объяснять про разные яичники и семенники, и про жидкость самца, и про рождение, потому что там были нарисованы какие-то желтые виноградинки и клубок из трубочек, которые тянулись отовсюду, и еще какая-то зеленая чашка вверх ногами, всё с трудными названиями, и рисунок был хорошо раскрашен, но очень некрасивый, из-за всех этих спутанных линий было похоже на туловище ядовитого паука, а сверху торчала голова птицы с двумя или тремя перьями на макушке. «Понимаешь?» – спросила учительница, и я ответил «да», а сам ни капельки не понял, потому что нарочно стал думать про другое и не слушал,

чего она там говорит, все про петуха и про жидкость самца, до того надоело, а она привязалась и спрашивала, понял ли я, и я говорил «да, да», а про себя думал «вот зануда», у меня голова чуть не отвалилась, так я старался думать про другое. У Алиситы не очень красивые рисунки, она говорит, что ей не хватает времени из-за тети с ребеночком, которых надо навещать. А у меня времени на рисунок хватит, потому что если не ходить на английский, а только в кино на шесть, то можно рисовать вместо английского, или можно вместо кино, если будет английский, но если кино показывают хорошее и надо идти на английский, тогда я быстро-быстро сделаю уроки после полдника и не пойду играть с Лало, его, я думаю, не выгонят. Но если Лало захочет играть с бутылками в шесть, а кино будут показывать хорошее, я не пойду помогать ему наклеивать этикетки, красивее кино ничего не бывает. Вот если учительница музыки назначит урок на два часа, мне не придется ждать до трех. Но если Алиситу не накажут, тогда я не смогу играть с ней до трех. Алисита всегда говорит, что ее наказывают и не разрешают играть, но один раз она сказала неправду, потому что мать ей подмигивала. Алисита – самая красивая в классе. Я сижу за партой с мальчиком. Алисита сидит с белобрысой Гонсалес. У Алиситы волосы темные, только не черные, а каштановые, такие чистенькие, что хочется потрогать, а в волосах белая широкая лента из шелка. И лента блестит, и волосы блестят. Лента блестит всюю, а вода в колодце

почти не колышется, когда поднимешь крышку; заглядываю внутрь, чтобы бросить ведро, бах! – отпускаю цепь с ведром, и тут появляется солнце и разлетаются брызги, так здорово, капельки блестят, а я поднимаю ведро, и опять – бах! – летят брызги, все капли горят, как фонарики, а потом гаснут, ведь колодец надо накрывать крышкой, а то песку наметет. Я видел, как Алисита сама причесывается, и пробор сама делает, сначала перекидывает все волосы вперед, длинные такие, красивые, они локонами называются, волосы – это у мужчин бывают или у животных, только не очень грязных, у грязных – шерсть, у Пиручи волосы грязные-грязные, как шерсть, зато у Алиситы локоны, потому что они очень мягкие и без мелких кудряшек, так красивее, и спадают вниз, пушистенькие, а кончики загибаются кверху и целятся в меня, и если я подхожу и наматываю их на палец, Алисита говорит: «не порть мне прическу». Волосы у нее блестят, и надо говорить «локоны», такие они красивые, будто ниточки, которые растут из белой головы. Я однажды разглядывал у Алиситы голову, мы тогда во вшивых играли, это она нарочно такую игру придумала, чтобы посмотреть голову у Чавес, а то, говорят, у нее вши водятся, потому что она чумазая, с желтыми от соленой воды зубами. И голова у Чавес была до того грязная, что мы ничего не увидели, а под конец мне досталось смотреть голову у Алиситы, и она была белая-белая, даже белее лица, и ярко блестела, и волосочки росли все как ниточки, как нитки для

шитья, только не такие, какими носки штопают, а какими мама вышивала красные цветы на покрывале, они лучше всех получились, и я, когда вошел в комнату, подумал, что кровать загорелась. А волосочки в локонах Алиситы все разные, потому что один блестит, другой нет, третий чуть-чуть, четвертый нисколючко, и если она шевельнется, то который раньше блестел, уже не блестит, а блестит другой, а рядышком блестит то больше, то меньше и все время меняется. Халат весь в складочках, как у учительницы, и коротенький: Алисита садится, и видно прививку. Они с Гонсалес вечно рисуют ромашки и говорят про женихов, а после зачеркивают лепесток, потом еще один и еще и говорят «любит сильно, чуть-чуть, нисколючко». Я хочу быть женихом Алиситы, ее волосами лучше всего играть в «любит не любит», возьму локон и стану считать у Алиситы волосы, а волосы-то возле головы, где все мысли и секреты, у них с этой Гонсалес полно секретов, то и дело переглядываются между собой и сразу смеются, потому что угадывают мысли: из какого класса жених, из третьего, как я, из четвертого или из пятого. Эктор третий год учится в колледже и живет в пансионе с отцом, в Буэнос-Айресе. Когда я решил задачу, я быстрее всех решаю, потому что лучший в классе, то принялся разглядывать Алиситу, у нее локон выбился из-под ленты, и смотрел, как один волосочек блестит, другой нет, третий не очень, «сильно, чуть-чуть, нисколючко». Тут она шевельнула головой и все блесочки поменялись, и

я дальше не мог смотреть. Это я потом подумал: надо было что-нибудь сказать, чтобы она не двигалась, сказать, что рисую ее или еще чего, но я не догадался. Гонсалес смотрит на меня с открытым ртом и ничего не говорит. А Алисита разговаривает, и над всеми смеется, и рассказывает про старшую двоюродную сестру, которая учится в школе Линкольна и делает монашкам разные пакости, по ночам она встает с другими девочками и идет босиком в уборную читать книжки про любовь, а еще они пробираются на кухню и воруют печенье, только она не знает Тете, которая тоже учится у монашек в Линкольне. Тете почти что моя двоюродная сестра. Алисита не боится вставать ночью и хочет, чтобы ее отдали в Линкольн. Хорошо, что Тете приедет в Вальехос, мы будем играть после обеда, а то мне скучно, когда мама спит в сиесту. Вот если бы пришла Алисита, но она не приходит, потому что ее мать дружит с матерью Луисито Кастро и Алиситу водят играть к Луисито, я однажды видел, как он маленького бьет, это нечестно, он высокий и старше меня, в четвертом учится, ему десять лет, а мне девять, только он балда, разговаривает, а у самого каша во рту. Мама говорит, что лицо у него тупое, как у матери, и разговаривает он хуже трехлетнего. Алисита однажды сказала, что Луисито ее спросил, хочет ли она быть его невестой, вот идиот, с его-то ослиной мордой! Как он маленького мальчика ногами бил, меня он однажды заметил в кино, когда я подошел угостить Алиситу карамельками,

и уставился на меня, а ботинки у него такие с толстой подошвой, «ты не бойся и врежь ему хорошенько» – сказал папа, откуда он узнал? я ведь одной маме сказал, надо хорошенько врезать, когда Луисито отвернется, врезать прямо в живот, а дверь оставить открытой, чтобы убежать, а вдруг он меня снова после английского встретит? Алиситу учительница любит больше других девочек, больше всех, учительница ведь ходит к ним домой и дружит с ее тетей, тетя белая, красивая и не красится, а лицо, как будто она в церковь собралась, и худое, мама говорит, что здоровье у нее слабое, чуть что – сразу болеет, а у меня нет тети-учительницы. Учительница однажды спросила Алиситу, как тетино здоровье, тетя тогда аиста ждала; каждый день подходила к парте Алиситы проверить домашнее задание и спрашивала про здоровье тети, ведь если она будет болеть, когда появится ребеночек, то не сможет давать ему грудь, тетя худая и совсем без груди, из-за этого, наверное. А однажды Алисита пришла вся довольная и сказала, что у тети мальчик и чувствует она себя хорошо, так что она, наверное, дала ему грудь; тетя женилась на одном дяде из банка, с красивым лицом, он всегда ходит в хорошем костюме – папа такой не носит, в белой рубашке и галстуке с маленьким узелочком, как в каталоге «Гэт и Чавес», он хороший и, похоже, никогда не сердится, а работает в Национальном банке, где мраморный пол, который натирает мать Фелисы, такой большой, что можно танцевать, и

окошки там с позолоченными стойками, а за ними сидит и занимается счетами дяденька, который женился на тете Алиситы, с лицом как в кино. И новорожденный ребеночек, когда научится говорить, поцелует его и скажет «я очень люблю тебя, папа», а вдруг он поцарапает малыша бородой? Ни капельки не поцарапает, он ведь всегда бреется и сидит в окошке, а кругом все блестит: золотые стойки, и мраморный пол, и лицо выбритое. У папы борода царапается, потому что он нервничает из-за бочек, которые стоят на складе грязные, с фиолетовыми подтеками от вина, а сам он вечно ходит в пончо мертвого дяди Перико... Пончо коричневое, как земля, если подует сильный ветер, дюны передвигаются и надо затыкать бочки, а то я из них вынимаю пробки и заглядываю внутрь. Я взял и нарисовал дяденьку, который женился на тете Алиситы, он получился точь-в-точь, я ему оба глаза почти одинаковые сделал, большие, открытые и с ресницами, нос маленький и рот маленький, с тонкими усиками, а волосы спереди горкой и без пробора, как у Роберта Тейлора, если бы дядя Алиситы был артистом, он постарался бы жениться на Луизе Райнер в «Великом Зигфельде», и она не умерла бы от болезни, а то она лежит при смерти и звонит по телефону бывшему мужу Зигфельду, который ее бросил и ушел к другой, и говорит ему, что здорова, чтобы не расстраивать Зигфельда, и это только половина фильма, но она больше не появляется, потому что сразу умирает, а лучше бы в этот момент позвонили

и Луиза Райнер пошла открывать, а это кто-то ошибся дверью, это дядя Алиситы, но Луиза Райнер очень устала, пока вставала и говорила по телефону, и она падает в обморок у самых дверей, а он входит, поднимает ее и тут же зовет посыльного, потому что дело происходит в роскошном отеле, а посыльный – это мальчик без отца, и отчим его бьет. И он посылает мальчика в аптеку за лекарствами, а сам пока укладывает Луизу Райнер на диван и зажигает камин, укрывает ее индейским кильянго, только из белого горностая, чтобы Луиза Райнер согрелась, а то она замерзла, и тут понимает, что она вот-вот умрет. И все это с помощью мальчика-посыльного, который возвращается с кучей лекарств. А в «Великом Зигфельде» она умирает по-настоящему в середине фильма и больше не выходит, мне эта артистка нравится, а после появляется Мирна Лой, которую я не очень люблю, она высокая и никогда не умирает ни в одном кино, я больше люблю Луизу Райнер, которая всегда играет хороших и все ее обижают, и иногда она умирает, но когда умирают в конце, это красиво, а если в середине, то уже больше не появляются. И хорошо бы дальше в фильме был дядя, который женился на тете Алиситы, а маленький посыльный помогал бы ему, и они станут ухаживать за Луизой Райнер, а маленький посыльный пойдет на кухню отеля и стащит равиоли, куропатку и несколько ломтей рулета, нет, лучше огромный торт с начинкой из мороженого и глазированных фруктами, и принесет в номер, и она

сперва говорит, что не хочет есть, но дядя Алиситы начинает рассказывать, как они будут лепить больших кукол из снега, который падает за окном, и кататься на санях после обеда, а маленькому посыльному делается грустно, потому что его не зовут, но по крайней мере во время рассказа Луиза Райнер съедает несколько равиолей, немного куропатки и большой кусок торта, ведь ей никто никогда не приносил никакой еды. Дядя Алиситы замечает пианино и садится играть, маленький посыльный отбивает чечетку, а Луиза Райнер принимается петь, как в начале фильма, дядя слушает, открыв рот, и переглядывается с мальчиком, который съедает немножко торта, но его за это не ругают. И каждый день после банка дядя Алиситы приходит ухаживать за Луизой Райнер, а маленький посыльный рассказывает ему, ела она сегодня или нет, ведь теперь у нее в номере много всякой еды. А однажды дядя целует ее в губы и говорит, что любит ее, а я из кухни отеля бросаю монетку проходящему по улице шарманщику, чтобы он сыграл, и Луиза Райнер потихоньку встает и понимает, что выздоравливает, и они идут танцевать. Она довольна и думает, что теперь они будут гулять вместе и поженятся, но дяде грустно. Входит маленький посыльный, видит, как они танцуют, и думает, что они поженятся и возьмут его жить с собой. И он подбегает и обнимает и крепко целует дядю в щеку, а у дяди красивое лицо доброго человека, который чисто выбрит и гладко причесан с бриолином, и говорит ему: «я больше

не вернусь к отчиму!»), и поворачивается сказать Луизе Райнер, что они будут жить в домике в заснеженном лесу, и замечает в глазах Луизы Райнер слезы: оказывается, дядя Алиситы ушел и уже не вернется, потому что теперь у тети Алиситы ребенок и дядя больше не сможет ходить к Луизе Райнер после банка, ведь он женатый. И здесь бы кино кончилось, и не знаю даже, умирает Луиза Райнер или нет, но это не важно, потому что, если умереть в конце, все равно в этом кино тебя уже не покажут, а маленький посыльный плачет каждую ночь, тихонько, чтобы нервный отчим не проснулся и не накричал на него. Учительница отвесила Чавес такую сильную оплеуху, какой я в жизни не видел, бедная Чавес, она хорошая и самая маленькая, в строю стоит после меня, а живет на земляной улице, зато я лучше всех рисую, Алисита тоже, но хуже меня, и я лучший ученик в классе, а только потом она. В прошлом году у меня вместо музыки был катехизис, надо было ходить к монашкам и все такое. А завтра день рождения у Гонсалес и придет Паки, она большая, в пятом, «без синяков и шишек не вырастешь мужчиной», говорит папа, он хочет купить мне большой велосипед, а я упаду, вот Паки не падает, потому что она большая и учится в пятом, и вообще она хорошая, почти красивая, только лицо худое. А у Алиситы лицо толстое, красивое, и зубы красивые, только по бокам длинные, как у собак, и от смеха глаза как у японки или китайки делаются. Я сестру Клару больше всех люблю, она

молоденькая, мама ее ни разу не видела и не верит, что она такая красивая была, совсем как святая Тересита в книге для молитв. Она с первого дня катехизиса смотрела на меня ласково, а потом, когда увидела, что я все молитвы, и заповеди, и всё-всё выучиваю, вообще меня полюбила и назвала «служкой», это она хотела из меня священника сделать, чтобы служил в церкви. Священника мы видели мало, а серьезная сестра Мерседес пришла, только когда мы первую книжку с молитвами кончили; я каждый день ходил к сестрам на катехизис, и мне больше не хотелось смотреть изнутри их колледж, где одни девочки. Шторы там без морщинок и черные, как платья у монашек, все из одной черной ткани. С сестрой Кларой я не боялся, в первой книжке были заповеди и про младенца Иисуса с волхвами, но во второй книге сразу пошло про конец света. Конец света начинается с грозы. Он может в любую ночь наступить. И надо молиться перед сном, чтобы быть готовым. И вообще надо молиться, даже когда не конец света, а то наутро проснешься, а мама или папа мертвые, они могут умереть во сне. Конец света начинается с грозы, пока все спят, и гром гремит тихонько. И молния сверкает, но все окна закрыты, и ее никто не видит. Потом падают капли дождя. И еще немного грома, как в грозу, но не больше. Но вот уже все бушует по-настоящему, и мама просыпается поставить заслонки в канавках, чтобы не затопило грядки, и смотрит на небо, а там молнии, сразу много, вдруг делается

светло, как днем, и все во дворе видно, даже кур в дальнем курятнике, они все стоят как каменные и смотрят. А гром потихоньку становится сильнее и сильнее, и тут словно стреляют из пушки, и уже ничего нельзя поделывать: сверкает длинная молния, сплошь из электричества, и ударяет в середину площади, и земля раскалывается, как уголек. А один мальчик спросил сестру Мерседес, не погаснет ли пожар от дождя, а она ответила, что «будет только хуже», потому что «дождь прольется огненными каплями», тогда я даже не знаю, куда нам деваться, ведь дома загорятся, как бутерброды, сверху от дождя, а снизу от горячей земли, и всему придет конец. А Гонсалес спросила, можно ли будет людям спрятаться в церкви и в колледже у сестер, а сестра Мерседес сказала, что нельзя, что «все будет закрыто на ключ и на засов, ибо святой отец и сестры первыми предстанут перед Господом на Страшном суде». Значит, они первые и попадут под огненный дождь, и капли станут дырявить черное платье монашек и черную сутану священника и до того их продырявят, что через дырки будут видны всякие гадости: и виноградинки, и спутанные трубочки, и зеленая чашка вверх ногами – в органах пищеварения и размножения. Только грешно так думать про монашек и священника, ведь Бог их любит, над ними, наверное, прольется другой дождь, из черных капель кипящей смолы, чтобы дырявить и сразу затыкать все черным, как когда улицы мостят. Сестру Клару жалко,

красивая она, лицо у нее зеленое, но доброе, как у Оливии де Хэвилленд, я ей сказал, что она хорошая, как святая Тересита, и не пугала меня концом света. На ночь нельзя много есть, а то плохие сны приснятся, и мама не дает мне больше на ночь яичницу, даже яйца всмятку не дает. Не могу заснуть, а то страшные сны будут, мама с папой гасят свет, значит, уже всю газету прочитали, я иногда слышу, как мама папе вслух читает, ведь папа у нас балованный, про Тобрук, и про Роммеля, и про Пантеллерию, надоели ужасно. Па-кита грозы не боится. Она приходит каждую субботу в сиесту, играет со мной и с моим соседом по парте. В джунгли – лучше всего. Жаль, нет теперь грушевых деревьев, там самые хорошие джунгли были, их рано утром срубили, я, когда встал, уже знал, что деревья срубили почти под корень, только пенечки остались и больше ничего, надо было обходить вокруг всего склада, чтобы не идти через двор и их не видеть. Я не пошел смотреть на пенечки, но дереву, наверное, очень больно, когда его рубят топором, и раз оно такое светленькое внутри, то должно быть мягче, пап, а мягкое дерево можно жевать? «нет, нельзя», пап, а деревья что-нибудь чувствуют? «нет, не чувствуют», но склад пришлось расширять, и папа не хотел, чтобы рубили деревья, и я тоже. Изюм всех сил постараюсь больше про это не думать. А папа тоже не пошел смотреть на срубленные деревья, обошел вокруг склада, чтобы не видеть, и я спросил, не плакал ли он, потому что глаза у него были красные,

а он сказал, что мужчины не плачут и что это от сна. Но я видел его, когда он только встал, и глаза у него были не такие, зато волосы разлохматились и борода выросла колючая. Мама сделала как я, закрыла глаза руками, и теперь джунгли у нас на складе, где бочки стоят в ряд, а толстая доска перекинута с одного рада на другой, это река Амазонка. Крокодилы спрятались под досками, девочка должна перейти на тот берег и падает с доски, летит прямо в реку. Она должна убежать от крокодилов, а то они ее проглотят своей большущей пастью. И если ее поймают, то приходят хорошие, которые должны отнять девочку у крокодилов, но если ее успели съесть, тогда игра кончается и надо сразу меняться, и девочка превращается в крокодила, а крокодил, который ее поймал, отпускает ее и бежит к хорошим, потому что девочка уже нехорошая и может его съесть, а я закричал: «давайте другую игру, чтобы девочка не была крокодилом», но она стала крокодилом, и у них такая большая пасть, что они могут проглотить человека целиком, они страшнее львов, только еще страшнее хищные растения со дна моря. Я думал, Алисита хорошая, но она все подмигивает своей матери или этой Гонсалес, «давайте играть в другое» – кричу я Паки, а она становится крокодилом, Алисита вдруг начинает вредничать, и не показывает свой рисунок, и не отвечает, когда я с ней говорю, и врет мне, подмигивая, а глаза у нее все время красивые, как у китайки, и смеются, и зубы у Алиситы

красивые, только по бокам длинные, как у собак... а может, они и не собачьи вовсе... они уже наполовину крокодилы, и ноги в носочках гладенькие... а вдруг я сейчас до нее дотронусь, и окажется, что кожа совсем даже не гладенькая, а это настоящая зубчатая корка, как у крокодилов на хребте, липкая и такая твердая, что нож не втыкается, и все, кто падает в воду, из последних сил стараются воткнуть нож ему в хребет, но не могут, и тогда крокодил, изловчившись, их съедает. Только когда перевернешь крокодила вверх ногами, можно увидеть мягкий живот, светлый такой, желтый, вот туда нож втыкается легко. Но не буду больше про это думать, а то нехорошо. Я знаю одно стихотворение по-английски. А учительница не знает песню Джона Пейна из «Уик-энда в Гаване», я хотел ее по-английски выучить. Рита Хейворт в «Крови и песке» поет по-испански, и папе понравилось, кино тогда показывали в пользу испанского землячества: испанец Фернандес пришел к нам продавать билеты, и папа себе тоже купил. Папе не понравится, ой как страшно, нет, не понравится, а ему очень-очень понравилось! такой довольный вышел, что сходил, «я теперь всегда с вами в кино ходить буду», он, пока в зале сидел, про все свои складские счета забыл, и мы шли из кино пешком, а папа говорил, что Рита Хейворт нравится ему больше всех других артисток, и мне она больше всех других начинает нравиться, папе понравилось, как она «торо, торо» делала Тайрону Пауэру, он на коленях стоял, как дурачок, а она, вся в прозрачной

одежде, даже корсет видно, идет к нему, чтобы поиграть в корриду, это она смеялась над ним, а в конце она его бросает. Иногда у нее злое лицо бывает, она красивая артистка, но предательница. Пап, а какие места тебе еще понравились? а какая артистка нравится больше? Рита Хейворт? и так мы весь ужин проговорим про кино, это все равно что снова его посмотреть? а еще лучше пойти в кафе «Ла Уньон» и сидеть там за стаканчиком пива с бутербродами, и если мимо пройдут Алисита с матерью, они тогда увидят папу и какая у него белая рубашка и темно-синий костюм, а то он никогда его не носит, и лицо красивое без бороды, и волосы набриолиненные. И я уже хотел сказать, что надо пойти в кафе, но на углу кино стояли рабочие со склада, и я стал тянуть папу за рукав, но он пошел к ним и давай говорить, чтобы они пошли на фильм и что по радио передают чемпионат боксеров, только и было слышно «чемпионат, чемпионат», и я сказал маме, что надо пойти в кафе, а она посмотрела на меня, чтобы я замолчал, а то придется всех приглашать и платить за них, и я хотел сказать то же самое папе, чтобы другие не слышали, но он позвал их к нам домой, еда, говорит, найдется, есть копченая колбаса и немного вина, и можно послушать бокс, только про этот свой бокс и говорили, а эти дураки из-за бокса не пошли вечером на «Кровь и песок», до чего бы здорово было все-таки пойти с папой в кафе и взять бутербродов из сдобного хлеба, они самые дорогие. А в кино он потом больше не

ходил, говорит, что без толку, все равно, говорит, ничего не увижу, потому что перед глазами будут стоять складские счета с долговыми расписками и просроченными векселями. Но «Кровь и песок» он посмотрел. А нашей учительнице из первого класса «Кровь и песок» понравился? – так хотелось пойти и угостить ее карамельками, но мама не разрешила. Учительница на самых последних местах сидела с кривоносым мужем. В первый день занятий я опоздал в школу, потому что до последней минуты боялся, что захочу какать, а у нашей учительницы из первого класса был халат с широким тугим поясом, как в «Унесенных ветром», высокие каблуки, чтобы ходить на цыпочках, кудряшки и лицо красивое, как у балерин, танцующих в ряд, а не предательское, как у Риты Хейворт: папа говорит, что она из всех самая красивая. Напишу большую букву «Р», от слова Рита, и большую букву «Х», а сбоку повыше нарисую гребень и кастаньеты. Только в «Крови и песке» она предает хорошего парня. Не буду рисовать Р. Х. большими буквами. А занятия уже начались, и тут: «мальчик, иди к доске», издалека доска казалась черная, гладенькая, а вблизи была сплошь шербатая. Учительница своей рукой водила мою, и на доске остались нарисованные палочки, потом отпустила мою руку, а у самой на руке было такое огромное кольцо, и я увидал зубы учительницы, потому что она улыбнулась, и нарисовала на доске еще один ряд палочек. Мама никогда не носит высокие каблуки, как у нее, а я не оборачивался и не

шумел с ребятами, всегда надо смотреть на учительницу, у нее глаза покрашенные, брови ниточкой, черные кудряшки на лбу, в кудряшках гребень с камушками, и столько складок на халате, и каблуки высокие, чтобы ходить на цыпочках, и все блестит, серьги и кольцо блестят, как золотые, в гребне блестят камушки, и пальцы на ногах блестят лаком, точно варенье из слив, так бы и съел. А в кино я всегда с ней издали здороваюсь, и она мне чуточку улыбается, а мама никогда не хочет подойти, чтобы постоять и поболтать немного с учительницей из первого класса. А я остановился поболтать возле дома Рауля Гарсии во второй раз, в первый раз я шел по стене за складом, смотрю, а на той стороне Рауль Гарсия дрова рубит во дворе, он меня увидел, и мы стали разговаривать, я его спросил, может, он из Буэнос-Айреса, а сам сразу сказал, что был в Буэнос-Айресе и ходил там в театр, а еще очень хотелось спросить, любит он эту Мильян или нет. Мильян ходит в трауре и глаза закатывает, как мертвая, и Рауль Гарсия всегда с ней, он же не работает, и матери у него нет, их два брата, живут с отцом и сами себе стирают, а старик готовит, и ни один не работает. Мы, когда с мамой в кино идем, всегда видим в дверях старика, или Рауля Гарсию, или брата. Мама говорит, что он целый час расчесывает перед зеркалом свои кудряшки, волосы у него длиннее всех в Вальехосе, когда они только приехали, все смеялись, я думал, он из какого-нибудь цирка; брат худой, с зеленым лицом, как у сестры Клары, отец с выпученными

глазами, а Рауль Гарсия, когда танцует в клубе со своей Мильян, закрывает глаза, а лицо довольное, как будто спит и ему снится, что он танцует не знаю где, где ему очень нравится, при дворе Марии Антуанетты с Нормой Ширер в самом высоченном парике. Есть парни, которые погуляют с девушкой и бросают, а бывает, что не бросают и женятся, или гуляют с распутными учительницами, которые шлятся с торговыми агентами, но Мильян не такая. Только ноги у нее толстые, и, когда танцует, она вся вперед валится, точно в обмороке, и я хотел спросить Рауля Гарсию, когда стоял на стене, просто он ее любит или думает жениться, не хочу, чтобы он женился, он ведь красивее ее, но он тогда рубил дрова без рубашки, и было видно, какие у него руки и грудь сильные, боксерские, как у злых гангстеров, и очень хотелось проколоть ему твердые мускулы на руке швейной иглой, или толстой булавкой, или спицей, которой ковры делают. Кровь у него не пойдет, потому что мускулы боксерские. А на лице у него нет боксерских мускулов, лицо хорошего героя, который погибает на войне. Все эти Гарсии встают в двенадцать, и старик сердитый, и два брата сердитые, они между собой не разговаривают, а тогда он рубил дрова, и я ему рассказал, что был в Буэнос-Айресе, а он Буэнос-Айреса не знает, и мне стало стыдно, что я спросил, «вечером я ходил в Буэнос-Айресе в театр и видел „Венецианского купца“, только ничего мы не видели, потому что это лучший спектакль и на него никогда нет билетов. Мама рассказала

мне сюжет. А он сказал, что как это я такой маленький все так хорошо понимаю, и я ему чуть не сказал, что боюсь грозы, он, наверное, не боится ни громов, ни молний, как лесорубы или как конные полицейские в Канаде, вот было бы чудесно жить с ним в лесной хижине, потому что он такой сильный, что может убивать медведей, и если я останусь лежать без сознания в саях среди снега, он придет и спасет меня, а в хижине у него уже приготовлен стаканчик пива с бутербродами из сдобного хлеба, который мы привезли из города, и я стану рассказывать ему все про Буэнос-Айрес, а потом каждый вечер буду пересказывать новый спектакль, а потом начну рассказывать кино, и мы будем играть в игру – какое кино самое красивое, и сделаем список, а потом, какая артистка самая красивая, и кто лучше играет, и какой музыкальный номер понравился ему больше из тех, что я рассказал, а то он мало видел: почти все кино про гангстеров. Рауль Гарсия пригласил бы на танец учительницу из первого класса, только она женатая, так было бы лучше, потому что у нее не толстые ножищи, как у Мильян, и ходит она всегда на самых высоких каблуках, и она красивая, такие девушки сначала живут бедно и выступают в дешевых кабаре, и один гангстер командует ею, а один парень из оркестра в нее влюбляется, это Рауль Гарсия, и они вдвоем решают бежать и проходят через тысячу опасностей, пока не спрячутся на корабле, отплывающем в Японию, в каюте очень старого пьяницы матроса, который

их не замечает, и им надо раздеваться, а она сперва не хочет, но он начинает ее целовать, и вдвоем они решают тайно пожениться перед Богом среди моря, днем они спрячутся в спасательной шлюпке, а ночью, когда пьяница матрос уходит на вахту к штурвалу, идут в каюту, раздеваются, целуются, ложатся и спят, целуясь и обнимаясь, и ей больше не стыдно, что она голая, потому что они уже поженились. И они целуются длинными-предлинными поцелуями, такими, когда очень любишь, и она счастлива с Раулем Гарсией, ведь он такой добрый и ничего не боится, а вот гангстер был ужасно злой и только хотел делать ей больно. И они просят ребеночка, она молит святую Тереситу о ребеночке для себя и не знает, получит его или нет, а путешествие длинное и конца ему не видно, и тут она видит, что у нее начинает расти живот, это он наполняется молоком для ребеночка, и в одно прекрасное утро ей становится плохо из-за огромного живота, голова кружится, а Рауль Гарсия ухаживает за ней и старается утешить, а то она совсем выбилась из сил от такого длинного путешествия, вечно в спасательной шлюпке, и тут они слышат детский плач и смотрят друг на друга, и лицо ее из зеленого, как у сестры Клары, делается от радости красивым, и она посылает искать ребеночка, которого Бог тихонечко спрятал в свернутом канате, и отец находит малыша и целует его и несет к матери, которая сразу дает ему грудь, а на другой день они приплывают на остров с пальмами, и ей надевают на шею венок из цветов, и

полиция никогда их уже не найдет. Теперь я сяду рисовать афиши – к одному кино про полицейских, и сиеста пройдет быстрее, хорошо хоть завтра мне будет все равно, что во дворе грязно и мы не сможем играть, ведь в четыре часа день рождения у Гонсалес и пойдут все ребята, которым есть во что нарядиться. Мама пообещала мне сегодня не спать, но папа ей не дал, а в три я сегодня иду на музыку, эти противные гаммы, после английский, а после я поиграю немного с Лало, а после перепишу начисто задачу на правило пропорции и перерисую для иллюстрации мельницу, только не маленькую водяную, как за складом, а намного лучше, голландскую мельницу, и к ней четыре больших желтых крыла в клеточку и пейзаж с холмиками, почти сплошь покрытыми разноцветными тюльпанами, Алисита сказала, что ей этот цветок больше всех нравится, и еще сказала, что ее наказали, „Того, не приходи играть“, а маме я все-говорию-говорию: поедем в Ла-Плату, там кино новое показывают, и торты есть выше, чем в Вальехосе, и игрушечные магазины, можно целый час стоять перед витриной, и бабушкин дом со вторым этажом, и единственное, чего там нет, это венков из цветов, как в кино про Гавайи, и тюльпанов нет, они только в Голландии есть, но их нельзя прислать из-за войны. Если Алисита однажды расплатится и раскричится, что хочет тюльпанов, ей их не смогут купить, потому что нету, нету, и все тут. Можно только нарисовать или лучше купить дорогого тонкого картона всех цветов

и навырезать тюльпанов красных, оранжевых, кремовых, желтых, голубых, фиолетовых, сиреневых, синих, розовых, белых и побрызгать духами, а она потом уж не знаю чего сделает, может, на стену приклеит или положит в тетрадь, а лучше всего, если я вырежу такие красивые тюльпаны, что она будет прикалывать их заколкой, сегодня розовый тюльпан, завтра голубой, к своим волосам, до чего же у нее красивые локоны, как нитки, которыми вышиты блестящие цветы на мамином покрывале. Семь; семь часов, а день рождения все не кончается, темно, как в двенадцать ночи, в этом парадном никто не живет, прижмусь к стене, и папа, если пройдет, меня не увидит. Мам... никому не рассказывай! Мама в кино... молния как сверкнет посреди дня рождения во дворе у Гонсалес, вот если бы она ударила перед румбой „Мария из Баии“, как „Мария из Баии“ началась, так молния бы и ударила. Мам... не говори никому! знать бы, где я его не встречу... дома или в кино? ребята пока на дне рождения, под конец принесут еще торта, сейчас на улице никого нет, прямо на тротуаре могут убить кого-нибудь, и свидетелей не будет, а все соленькое из закуски для взрослых, там много должно остаться, а может, он дома? или пошел с мамой в кино? неужели папа ее одну в кино отпустил? Здесь, в парадном, я могу спрятаться, как дрянная Паки и Рауль Гарсия тогда во дворе, неужели он маму в кино одну отпустил? может, мама в кино с Фелисой! а папа дома, и я могу прибежать в кино, ведь папы не

будет рядом с мамой, и он не узнает, что случилось, а то обманывать грешно, и мне придется рассказать все папе, нет, папа в кино, сегодня он точно в кино, я прибегу домой и умоюсь, и папа не узнает, что я плакал, войду в уборную, подойду к умывальнику... а папа там, а я его не видел, и он увидит, что я плакал на дне рождения у Гонсалес! а вдруг его нет? только он всегда есть, когда мы приходим из кино... но он куда-нибудь ушел, может, его позвали играть в баскский мяч, и вышло, что они как стали играть, так и увлеклись и поехали на встречу в другой город... а после еще в один... а завтра воскресенье и обратного автобуса не будет. Али-сита в бумажном колпачке с бахромой повернулась ко мне и сказала (ей уже отрезали торт), что он ужасно противный, много жирного крема, я в таком же колпачке сел рядом с ней и взял добавку шоколада, а все ребята побежали во двор, только Паки состроила из себя взрослую и осталась в столовой слушать взрослые разговоры. Мы играли в толкалки: бегали, толкались и падали, а младший брат Гонсалес, толстый такой, даже не мог подняться. А теперь что они делают? день рождения будет до восьми, я подарил ей „Робинзона Крузо“. А отец Гонсалес пришел и сказал, что это дикие игры, и уже сделалось холоднее, от пота под мышками холодные капли, и загнал нас обратно в дом: больше всех орал и хулиганил этот тупой Луисито Кастро, нарочно такую пыль поднимал, а что мы будем делать внутри? взрослые танцуют, и ребята пошли танцевать,

и я пригласил Алиситу, не сбивался с ноги, и получилось хорошо, хоть мы и не умеем, кончалась одна песня и начиналась другая, а Алисита рядом говорила мне, у кого из девчонок самое некрасивое платье, ведь Алисита не бегала секретничать с Гонсалес, стояла рядом и ждала новую конгу, а вальс, это когда кружишься, конга, когда гуськом ходишь, а румба, когда качаешься, и тут Алисита пошла в уборную. Ой, какой стол у взрослых! полный кувшин винного крющона, и мне дали глоточек: полный кувшин воды лимонного цвета, которая жжет горло. А вот еще одна румба, „Мария из Баии“, это самая красивая песня для танца! а Алисита как раз пошла сейчас в уборную? в уборной никто не отвечает, и никого там нет, а в комнате наверху дверь закрыта: можно открыть дверь в чужом доме? и там внутри была одна девочка, похожая на Алиситу, наверное, поймала ее в уборной и отняла платье. Только это была Алисита. Сидела и играла в домино с Луисито Кастро. С этим, у которого ноги лошадиные. И смотрела на меня смешливыми глазками. Они играли в домино вчетвером, Гонсалес с еще одним мальчиком из класса Кастро, а Алисита со своими китайскими глазками сказала, что она играет в секреты и я должен уйти. А я схватил ее за руку и тянул, чтобы она шла играть в танцы. А Луисито Кастро сказал, чтобы я уходил, не то он сломает мне ногу, папа, неужели этот мальчик такой плохой? пап, Луисито только так говорит, что сломает мне ногу, но он ведь не будет плохим и ничего мне не сделает,

надо было его первым ударить? он переломал мне ногу? иголки, тысячи иголок воткнулись разом, прямо как ударили молотком, это пинок Луисито Кастро, изо всех сил он двинул ногой в ботинке. А я сразу вспомнил, что не должен плакать, пап, а пап, сильно я вообще не плакал, постарался тихонько-тихонько: если бы Алисита отвернулась к окну посмотреть на уличных музыкантов, то не заметила бы, как мне больно до слез, а она не отвернулась? может, я заберусь на пальму? ... и прыгну с крыши на крышу, ухвачусь за веревку на колокольне, оттолкнусь и полечу, даже не вспотев, до самой Ла-Платы смотреть витрину, где игрушки с лампочками, а то Паки не верит, что есть такие игрушки, и резиновые утки есть, чтобы играть в большой раковине, и еще разной-разной формы есть, только я ни одной не видел в форме крокодила, вот страшно вдруг увидеть его в раковине, с большущими зубами, если у Алиситы такие вырастут и Луисито Кастро окажется рядом, ему придется проткнуть ее несколько раз ножом, только хочу, чтобы нож глубоко воткнулся в твердую зубчатую корку на хребте, потому что это самое противное и гадкое у крокодилов, а когда приходится втыкать нож снизу в гладенький живот, светлый такой, желтый, тогда жалко, ведь от ножа он весь расковыряется и все гладкое испортится, а это у крокодила самое нестрашное и непротивное место. Не пойду играть к Алисите, а этому Луисито Кастро, только он от меня отвернется, проткну лицо ножом сбоку от носа, не пойду больше ни играть, ни полдничать, глупый я был, что

пропускал кино несколько раз, когда играл и забывал про все, глядя на Алиситу, как она причесывается, на ее пряжку, кусок хлеба с толстым слоем крема, как она рассказывает чего-то, смеется, прыгает в белых носочках, глазки как у китайки, так и сверкают огоньками-искорками китайских фонариков, только я не смогу больше ходить, изо всех сил постараюсь думать про другое, но Алисита играет в магазин, делает печенье, качается на качелях, качает куклу, я всегда что-нибудь у нее разглядываю, пряжку, халат со складками, гладкие ножки, фонарики, прививку, но я не смогу больше к ней ходить, только если спросить, что задали, когда заболею и пропущу школу, ну и пусть, скоро Тете приедет, Тете богачка, можно играть все сестры, она, когда приедет в Вальехос, у нас будет жить, и я дам ей играть во все, что украл у Паки. Пойдем, Паки, пойдем, если тебе скучно, уйдем с этого противного дня рождения, Паки было скучно, ее не приглашали танцевать, потому что она для взрослых маленькая, так ей и надо, плохая она, плохая, сучка, на обратном пути вся улица темная, а она никак не хотела верить, что в Ла-Плате есть игрушки, которые ездят от электричества, давно уже темно стало, как сейчас, у отца Паки одна только Паки есть, и он нехороший? он девчоночий отец и нервничает из-за своей портняжной мастерской? Мама смотрит „В поисках жениха“, какое красивое кино, роскошное, афиши с роскошными домами и праздниками, мама в кино одна сидит? когда снова покажут „В поисках

жениха“? не пойду домой, а то глаза красные от пинка, „почему ты дал себя ударить?“ – это папа, „почему он дал себя ударить?“ – это мама, почему я дал себя ударить, мам? и если папа сейчас пойдет мимо, я возьму и прикрою двери в парадном, а долго проходит краснота от слез на глазах? и там, куда не достает свет фонаря, я увидел за полквартила тень Рауля Гарсии возле его дома, когда это он успел познакомиться с Паки? „привет, Паки, ты, как всегда, самая красивая в городе“, и лицо такое состроит, и глаза почти закрыты, „с дня рождения идете? для меня ничего не прихватили?“ и „малыш, какая у тебя красивая подружка“, а сам берет Паки за подбородок, когда же это они познакомились, не пойму, хоть Паки и живет в доме за углом, но у них нет общей стены, как между его домом и двором нашего склада, и тут Паки сказала: „может, покажем Раулю двор, где мы играем?“, только кругом было темно, а лучше бы мы втроем сыграли ночью в пугалки и вошли бы через заднюю калитку, и в такой темноте на земле не видно было мусора, и мы все время спотыкались, а когда подошли к бочкам, Рауль Гарсия сказал, чтобы я шел прятаться и что они будут меня искать, а у самого все кудряшки были набриолиненны и лицо стало другое, как у грабителей в кино, но я все равно пошел и спрятался получше за ящиками и бутылками. Сижу и слышу, что они меня не ищут, и тут я сразу понял, что они хотят меня до смерти напугать, подойдут тихонько и крикнут „у-у!“, и тогда я побежал к

бочкам, но там никого не видно, залез на одну бочку и увидел тени, которые прятались за старым грузовиком без колес. Вот подойду тихонько и напугаю их, только они не сидели молча, а шептались, фу, какая гадость, в старом грузовике может спать кот, он проснется и станет кусаться, и от криков проснутся крысы и гадюки, и все погонятся за нами, а Паки и Рауль Гарсия... говорят про самое плохое, всякие дрянные вещи, слышатся поцелуи, и Паки сказала, что ей страшно, что он большой, а она уже девушка, только еще очень маленькая, а он сказал, что ей страшно, потому что она никогда не встречалась с мужчиной и не трогала его, а Паки сказала, что боится, что у нее пойдет кровь и что потом он разлюбит ее и бросит, а он сказал, что не бросит, потому что она самая красивая в городе (вранье, самая красивая – учительница из первого класса), и Паки стала его трогать и сказала, что ей страшно, она ведь не знала, что, может, через минуту у него полезут наружу все органы пищеварения и размножения, а он попросил пустить его туда, и я уже хотел закричать Паки, чтобы она спасалась, а то она не рисовала органы пищеварения птицы и не знает, какие там есть гадости, все эти виноградинки и эта зеленая чашка вверх ногами с трудным названием „поперечный срез мочевого пузыря“, и еще этот клубок спутанных трубочек, похожий на туловище ядовитого паука, а Рауль Гарсия со своими циркаческими кудряшками – это птица, у птицы голова почти без перьев, и я собирался закричать, но тут

мне вдруг захотелось съесть добавку противного торта с жирным кремом, и еще вдруг захотелось подслушивать дальше, и когда я попросил добавки торта, Алисита показала мне язык, и мне дали другой кусок, но очень хотелось слушать дальше, как он полезет туда и зажмет, чтобы она не могла шевельнуться, и тут он накинется и начнет ее бить и срывать одежду, чтобы посмотреть грудь, и полосовать ножом, пока всю не изрежет, и больно-пребольно щипаться, чтобы оставить синяки... и тут наступит самый ужасный момент, когда покажутся разные штуки, какие есть внутри у мужчины, зеленая чашка, которая шевелится и может укусить, и клубок из трубочек, которые обвиваются вокруг шеи и затягиваются, как петля, и это туловище ядовитого паука, до него дотронешься, и, наверное, так страшно сделается, что закричишь и будешь кричать сильнее, чем девочка, которая сходит с ума в „Вершинах страсти“, но женщины не могут кричать, потому что если кто придет, то увидит, что к ней залезли, и Паки станет шлюхой. А в конце так оно и есть: Паки стала шлюхой, а Рауль Гарсия подлецом, я думал, он хороший, но ни разу с ним не играл, а Паки сказала, что не пустит его туда, только в день свадьбы, и уж не знаю, что он там делал, как будто ему ногой в живот дали, стал говорить „а-а-а-а“, точно задыхался, а Паки начала вырываться и кричать, что вся запачкалась, и тут – раз! – она увидела, что я подглядываю, схватила меня, принялась трясти и говорить, что я болтун и должен поклясться Богом,

что ничего не скажу, а потом ушла, Паки, Паки, Паки, я хочу переждать у тебя дома, пока не пройдет краснота от слез! Паки! Паки! у кого я теперь спрошу, пошел папа в кино или нет?! кто мне ответит, что, папы нет дома?! и тут подошел Рауль Гарсия, схватил меня за руку и сказал, что если я хоть кому-нибудь скажу, он мне голову оторвет, и все это с лицом злодея из кино и без крика, чтобы соседи не услышали, а шелудивые коты могли прибежать со двора и потереться о него, они, когда им на хвост наступаешь, как бешеные становятся, а еще из нор вылезут крысы, крысы, которые роются в помойке и поедают все самое гадкое, котов дохлых едят, раздавленных машинами, и гадюки услышат и вылезут из мусора, а еще во дворе могут даже оказаться стервятники, которые делают в воздухе полный круг на всей скорости и кидаются вниз на детей, чтобы тюкнуть их клювом сильно-пресильно. У Рауля Гарсии лицо злодея и похоже на твердую зубчатую корку, а у Паки лицо худое и некрашеное, как у монашек, и клюв не пробивает такую твердую корку, ведь это хребет самых злых животных в мире. И в конце света они сгорят, на Паки свалятся бочки, и она умрет, а потом ее сожрут крысы, Рауля Гарсию разрубит пополам топором работник со склада, когда увидит, что он залез к нам во двор, а Луисито Кастро утонет в колодце с кипящей известью, и сверху на них на всех прольется огненный дождь, который сжигает только злодеев, а хорошие будут в Голландии, в полях с холмиками ждать Страшного

суда, и там им ничего не грозит: и где идет дядя, женатый на тете Алиситы, огненные капли не жгутся, они делаются серебристые и легонькие, как дождь из резаной бумаги, и я прыгаю далеко-далеко из этого темного парадного, и дядя Алиситы поднимает меня на руки, красные глаза, говорю я, это от конъюнктивита, и он никогда не узнает, что я дал себя ударить, потому что мы стоим высоко и смотрим, как всякие громы и молнии падают на головы злодеев, и я больше не буду бояться, потому что с нами теперь ничего не случится, и мама машет мне рукой с вершины соседнего холмика, она тоже спасена и стоит там с нашими из Ла-Платы... и хорошо бы Тете успела в Вальехос раньше конца света, она тоже спасется, и учительница из первого класса, и Лало, а в классе мы всегда рисуем и редко пишем диктанты, а после я иду на музыку и на английский и полдничаю, и мы идем с мамой в кино и гуляем по маленьким полям Голландии, и оттуда будет видно, дома папа или пошел в кино, и я смотрю на дядю Алиситы, у него теперь лицо гладенькое и, как всегда, выбритое и такое блестящее, точно у кукол, и глаза уже не человечесьи, а из драгоценных камней, которые так дорого стоят, и он прижимает меня к груди и держит крепко-крепко, чтобы никто не выхватил, а еще лучше, если я прилеплюсь к нему, и никто меня уже не оторвет, прилеплюсь к груди, а там возьму и незаметно проберусь внутрь, к дяде Алиситы в самую грудь, и никто нас больше не разлучит, потому что я буду внутри него,

как душа внутри тела, рядом с его душой, и сольюсь с ней. А на полях виднеются холмики, покрытые разноцветными тюльпанами, и они начинают блестеть под серебристым дождем из резаной бумаги, блестеть, как цветы, которые мама вышила на покрывале. И если Бог простит Алиситу, она придет на холмики и очень обрадуется, увидев все эти тюльпаны, станет их гладить и целовать, а после побежит целовать дядю, и во рту у нее будет аромат от стольких перецелованных тюльпанов, и она все будет целовать и целовать дядю, а я там, внутри, буду тихонько посмеиваться про себя, потому что Алисита думает, что она очень хитрая, а сама и не заметит, что целует меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.